

Сын (не переставая раскачивать колокол). Летит!

Вертолет летит! Сюда летит!

Отец. Я же говорил, что спасу тебя...

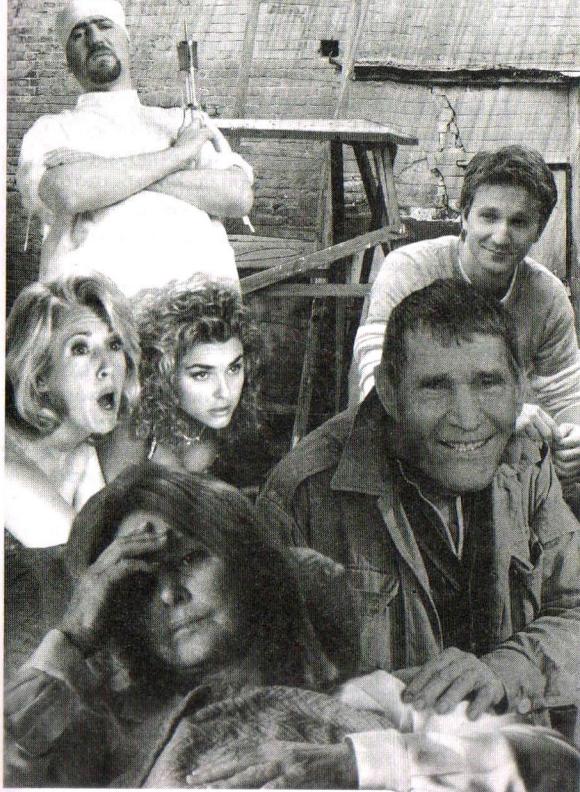
Слышен приближающийся гул вертолета. Все смотрят вверх.

Занавес

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Современная комедия

в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

«В наше своеобразное время взять да и написать пьесу — само по себе означает проявить отвагу. В самом деле, кому они нынче нужны? Театры неутомимо ищут те или иные манки, чтобы завлечь возможного зрителя — либо достаточно пресыщенного, либо, наоборот, далекого от сомнительных очарований современного лицедейства.

А для того, чтобы написать нечто подобное «Дню шестому», нужно быть человеком отважным дважды, способным выдержать перегрузку — выносить в себе этих людей, прожить с ними вместе немалый срок и, наконец, выпустить в жизнь.

Проще всего отнести эту драму (автор её именует комедией) к испытанному жанру «чернухи». Это не так уже потому, что социалистический натурализм в значительной мере себя исчерпал. Хотя бы потому, что сегодня любое — даже самое жесткое — воспроизведение реальности уже не может идти в сравнение с самой реальностью.

«День шестой» — не свидетельство, а метафора. Что означает эта больница с несчастными немощными обитателями, которые отдали свои судьбы таким же несчастным немощным людям — спившемуся до горячки врачу и полублаженному, полууродливому, не то санитару, не то медбррату со смущающим слух еврейским именем? Что означает эта больница, как не большую нашу страну, в которой целители и исцеляемые ничем не разнятся друг от друга?

Кто им поможет и что их спасет? Автор николько не мессианствует, он не выписывает рецептов и не называет лекарств. Но, вопреки безумию мира, честный мужественный писатель Александр Федорович Косенков упрямо продолжает надеяться: человек не вполне звероподобен, душа его не заросла бурьяном, и День Седьмой еще впереди...»

Леонид Зорин. 1992 г.

Врач

Виктор Афанасьевич Малашин, врач участковой больницы. Возраст, когда о будущем стараются не думать. В общем, скоро стукнет 50. Или совсем недавно стукнуло.

Яша

Санитар, уборщик, бывший подводник, 28 лет. Все считают его «tronутым». Легко соглашается с этим.

Человек

Без особой надежды пытается спастись. Ненавидит всех — и плохих, и хороших. Впрочем, плохих — больше, что свидетельствует оrudиментах объективного отношения к жизни. Возраст — от 25 до 40 лет.

Митыкин

Сторож, завхоз, 60 лет. Больше всего на свете уважает порядок и повиновение.

Молодой парень.

Шофер.

Больные:

Зинка

54 года. Из них двадцать лет проработала в старой деревенской пекарне.

Анна Ипполитьевна Боковикова — Вонючка.

Брошенная всеми бабка, 78 лет.

Тася

Ненка, около 30 лет.

Нина Тарасовна

55 лет. Бывшая учительница, бывший завуч, бывший директор школы, бывший зам. зав. отделом райкома.

«Покойница»

Женщина лет 35—40.

Вера

16 лет.

Николай Степанович

Скотник, 62 года. Потерял цель жизни.

Место действия — глухой районный центр на большой сибирской реке, участковая больница во время ремонта. Время действия — дождливый август, наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Участковая больница в небольшом райцентре. Расположена она в бывшем соборе, который стоит на высоком берегу реки. Иногда сюда доносятся гудки проходящих мимо судов.

В больнице ремонт. На крыльце и в приемном покое бочки с краской и известью, мешки с цементом, залапанная краской стремянка, ведра, пустые ящики, вытащенная из кабинетов мебель и кровати. Со стен ободрана старая краска, и кое-где на сводах проступили фрагменты старых фресок — лица, строгие глаза, протянутые для благословения руки, яркие краски одеяний и неба. Ремонт, как это у нас нередко бывает, неуютно соседствует с обычной, хотя и еле теплящейся жизнью больницы. На втором этаже, куда ведет широкая лестница, стоит столик дежурной сестры с телефоном. По одну сторону от него палата, куда временно ссыпали всех больных. По другую — операционная, уже подготовленная к ремонту, и закрытый кабинет главного врача. А еще выше, куда ведет крутая деревянная лесенка, упирающаяся в некрашеную дверь, на месте старой колокольни маленькая каморка с койкой и тумбочкой — помещение, которое, за полной его ненадобностью и неприспособленностью для жилья, уступили бездомному санитару Яше.

Поздний вечер. Четвертый день, не переставая, идет дождь. В палате от фонаря за окном чуть светится большое полукруглое окно. Больные неподвижно лежат на своих койках. И только Анна Иночентьевна Бокова, прозванная в палате Вонючкой, сидит на своей койке у окна, еле слышно шепчет молитвы и изредка мелко крестится, отделяя этими слабыми движениями руки одну молитву от другой.

Закончив обход своего хозяйства, по лестнице тяжело спускается Миткин — завхоз больницы. На шее у него висит небольшой транзистор, громко вещающий о последних новостях. Миткин задержался у груды «наглядной агитации», вытащенной на время ремонта из кладовой, пнул ногой портрет какого-то бывшего члена Политбюро, кряхтя, поднял и прислонил к стене популярный когда-то лозунг с бросящимся в глаза словом «коммунизм», плонул и пошел к входной двери. С надарочного пространства стены на него строго смотрело лицо какого-то святого. Миткин долго с неодобрением таращился на него, потом, не выдержав, взял со стремянки кисть, окунул ее в ведро с известкой и крест-накрест замазал святого. Полюбовавшись на свою работу, он вышел на крыльцо и стал закрывать дверь на ключ. Шум подъехавшего грузовика и свет фар, освещивший крыльцо, остановил его. Он повернулся и стал всматриваться в темноту. Молодой парень и Шофер небрежно втащили на крыльцо насквозь промокшего Николая Степановича. Они пошли вплотную к Миткину, но тот от дверей не отошел.

Митькин. Куда?

Молодой парень. Туда. Давай с дороги, дядя.

Митькин. Куда?

Молодой парень (начиная заводиться). Сюда. Могу еще раз повторить, если не врубаешься. Отвали давай!

Митькин (слегка спасовав). Больница на ремонте. В районку езжайте.

Шофер. Охренел, да? Опять в районку...

Молодой парень. В районке сказали — к вам.

Шофер. Бензину только развернуться осталось.

Митькин. У нас никакой помощи невозможно предоставить. Одна палата на все оставшееся здание.

Молодой парень. Хватит и одной. Знаешь, кто это? Заслуженный труженик совхоза. Орденоносец. А ты его в больницу не пропускаешь.

Митькин. Не положено в настоящий момент.

Молодой парень. Кем положено? Ты бы, гад, эти шестьдесят километров с нами пропахал! Зажрались тут! Будку наел, в три дня не обгадишь.

Шофер. Мы про этот случай в газете опишем. Умирающего в больницу не допускают!

Митькин. Да хоть запишись. Сказано, ремонт, значит ремонт. Не пущу и все. Везите в районку.

Молодой парень (отпустил ноги Николая Степановича). Бросай, Вась. Разгрузили. Помрет — им отвечать. Мы свое дело — довезли. В самых непроезжих условиях. Никто слова не скажет. Еще благодарность вынесут. Можно

сказать, жизнью рисковали. Теперь пускай медицина распоряжается, им за это народные деньги платят. (*Сбежал с крыльца и растворился в темноте.*)

Шофер подтащил Николая Степановича к стене, прислонил и побежал следом. Слышино, как взревел мотор, скользнул по стене свет фар, и грузовик уехал.

Митькин. Ты бы мне, паразит, в прежнее время повстречался...

Он старательно харкнул вслед уехавшим, долго с хмурым неодобрением смотрел на лежащего Николая Степановича, потом все-таки отпер дверь и куда-то ушел.

Николай Степанович лежал неподвижно и молчал.

Неожиданно перед крыльцом появился Человек. Он то и дело оглядывался. Заметно, как неудержимо притягивал его свет, падавший из-за полуоткрытой двери. Он осторожно поднялся на крыльцо и, не замечая лежавшего в тени Николая Степановича, заглянул внутрь. Тут же в испуге отпрянул, попятился, споткнулся о безжизненно вытянутые ноги Николая Степановича, упал. Спасаясь от неведомой опасности, выхватил из-за пазух обрез, сел и осторожно уставился перед собой воспаленными глазами. Разглядев Николая Степановича, он медленно попятился, но обреза пока не опускал.

Человек. Эй, ты живой или как? (Пнул ногой Николая Степановича, но поскольку тот не прорагировал, успокоился, спрятал обрез под куртку.) Лежит как дубарь, а я переживай... Что, довела трудовая жизнь на благо Родины? Не пускают или сам не желаешь? (Наклонился к Николаю Степановичу, внимательно посмотрел ему в глаза, приподнял и бросил бессильно упавшую руку, приподнял и бросил другую.) Курева ноу? (Обхлопал на всякий случай карманы мокрого плаща, выпрямился.) Полная вшивка. Почти как у меня, только маленько похуже. Ты уже, а я в ближайшем будущем. Здесь будем загибаться или зайдем? По закону отказывать в помощи паралитикам и сифилитикам не полагается. (Волоском затянул Николая Степановича в бывший приемный покой, прислонил к стремянке и стал осматриваться.) Неплохо крестьяне устроились. У самого Господа Бога на хазе. Будем себя хорошо вести, может, и нам чего отколется. Все не под дождем. Лично мне он уже вот так... В мотне два ведра осадков булькает. Яйца растворились без остатку. Третьяк кантуюсь. За что-нибудь пожрать к любому Ваньку на карачках поползу... Кстати, дедок, как эту местность обзывают? Забыл поинтересоваться у дежурного милиционера. По приметам — помойка безвылазная. Занесло меня, мужичка перелетного, хрен знает куда, хрен знает зачем...

В глубине здания послышались голоса и шаги.

Все, гражданин начальник, линяю. На том свете, если он в наличии, повидаемся. В самом скором времени. (Спрятался за бочками с краской неподалеку от лестницы.)

Сначала, толкая перед собой каталку, появился Яша. Следом шли Врач и Митькин.

Митькин. Главное, гады, бросили — и бежать. А он уже, считай, покойник. Не шевелится. Опять на нас смертность запишут. Четвертая в квартал. На кой она нам, если ремонт? Еще кто-нибудь помрет, и все.

Врач. Что?

Митькин. Премию не выделят. Наталья Николаевна категорически... Чтобы ни единой души. Особенно, если безнадежные. А он — там...

Врач (увидев Николая Степановича). Не там, а здесь. Дезинформируете, товарищ Митькин. Говорили — «покойник».

Митькин (сначала остолбенел, потом закричал). Тебе кто велел в помещение заходить?! Какой ты покойник, если передвигаешься? А ну, давай отсюда! Освобождай по случаю ремонта!

Врач («офицерским голосом»). Товарищ Митькин!

Митькин. Так точно. Слушаю.

Врач. На больных кричать запрещается. Даже во время ремонта. Поскольку доставленный экземпляр умирать не собирается, план по смертности остается без изменений. За премией явитесь в конце квартала. Можете быть свободны.

Митькин. Наталья Николаевна категорически...
Врач. Правое плечо кругом, шагом марш!

Митькин с предельным неудовольствием еще раз оглянулся на неподвижного Николая Степановича, но ослушаться не посмел. Вышел, тщательно запер за собой на ключ входную дверь, включил транзистор, достал из-за голенища яркий японский зонтик и медленно удалился в темноту.

Врач наклонился к Николаю Степановичу. Его качнуло, и он чуть не упал. Только сейчас стало видно, что он пьян, хотя еще вполне способен передвигаться и разумно реагировать на происходящее. Сел на пол рядом с Николаем Степановичем, пощупал ему пульс, приподнял веко и безнадежно махнул рукой.

Врач. Премия отменяется.

Яша. Почему, Виктор Афанасьевич?

Врач. До утра не дотянет. Полное истощение жизненной энергии. Спрашивается, на кой хрен его сюда притартали? Долболовы! В такую погоду. Не захотели, чтобы дома помер. Понадеялись на больницу. Рентген, уколы, квалифицированную медицинскую помощь... Сдохнуть можно.

Яша. Нас с вами опять закрыли, Виктор Афанасьевич.

Врач. Не доверяют, Яков Борисович, не доверяют.

Яша. Людей нельзя запирать...

Врач. Если честно, у них имеются основания. Особенно после того, как я загнал стерилизатор.

На пристани. За трояк. На кой фиг он им был нужен?

Яша. Рыбу коптить.

Врач. Последний стерилизатор в отделении. Продал за трешку, выплатил полную стоимость.

Яша. Вы были совершенно пьяный, Виктор Афанасьевич.

Врач. Во! Даже ты это сознаешь. А Наталья в упор понимать не желает. Самое обидное, что я когда-то любил эту женщину. Смешно вспомнить, Яков, но она отвечала мне взаимностью.

Яша. Я её понимаю.

Врач. Понимаешь сейчас или понимаешь тогда?

Яша. Тогда.

Врач. А сейчас нас с тобой запирают на всю ночь как неблагонадежный элемент. Грузимся?

Яша. Грузимся, Виктор Афанасьевич...

Кое-как водрузили Николая Степановича на каталку и двинулись к лестнице на второй этаж. Врач не столько катил, сколько держался за каталку.

Куда его? В операционную?

Врач. В седьмую.

Яша. Там женщины.

Врач. Мужчины, женщины... Абсолютно не имеет значения. В больнице единственная графа — «больной». По возможности — «чем». И все. Осознал?

Яша. Осознал. Все равно все считают меня сумасшедшим.

Подошли к лестнице и остановились. Рядом, за бочками с краской, сидел на kortochkax Человек. Врач обнял Яшу, прижался лбом к его лбу.

Врач. Яшенька... Солнышко ты мое жидовское... Ну какой ты сумасшедший? Слегка не в норме. А кто сейчас в норме? Я, например, тоже не в ней. По слухам дождливой погоды и наступающей субботы. Осознал?

Яша. Осознал. Женщины будут недовольны. Из седьмой палаты.

Врач. Чем будут недовольны женщины из седьмой палаты?

Яша. Что мы положим к ним мужчину.

Врач. Яков... (Достал сигареты, закурил, поднес догораящую спичку к лицу Яши, словно хотел получить рассмотреть его.) Ты когда-нибудь видел женщину, недовольную тем, что к ней положили мужчину? Я лично никогда не видел. Что это доказывает? Это доказывает отсутствие у тебя соответствующего жизненного опыта. А ведь тебе уже тридцать, да?

Яша. Двадцать восемь.

Врач. Пацан. Закуришь?

Яша. С удовольствием.

Врач (отдал Яше свою сигарету, а сам закурил новую). Видишь, у тебя еще имеются удовольствия. А у него они полностью отсутствуют. (Сел на ступеньку и хлопнул рядом рукой.) Садись... Какой делаем вывод?

Яша. Не знаю.

Врач. Эле-мен-тар-ный. По сравнению с ним ты что-то. Хотя, если честно, не очень далеко от него ушел.

Яша. Вы меня обижаете.

Врач. Обижаться надо было на атомную подводную лодку. Сколько ты на ней отпахал?

Яша. Два года восемь месяцев.

Врач. А я что говорю? И всю оставшуюся жизнь. Так? Разница между тобой и этим паралитиком, что ты еще куришь, а он свою последнюю уже выкурил. (Потянул к себе каталку.) Мужик, хочешь закурить? (Сунул в губы Николая Степановича окурок.) Последний чинарик перед миром иным. В любом случае лучше совершенно бесполезного укола в задницу. Да и не сделают его сейчас. Галька, блядешка, опять на дискотеку рванула. Раньше семи утра не нарисуется.

Яша. А если он слышит? Видите? Смотрит...

Врач. Естественно. Что ему еще остается? (Поднялся.) Поехали, сионист.

Яша. Я не сионист, Виктор Афанасьевич...

С трудом, со ступеньки на ступеньку, они стали закатывать каталку на второй этаж. Окурок выпал изо рта Николая Степановича. Человек чуть ли не по-пластунски выполз из-за бочки, подобрал его и снова спрятался. Потом вся тяжесть каталки досталась на долю Яши, который подталкивал её сзади. Да еще лежавший стал соскальзывать вниз. Врач, которому было значительно легче, не переставал говорить.

Врач. Критику признаю... Сионисты в задрипаных участковых больницах не проживают. Они в подавляющем большинстве там... в земле обетованной. (*Неожиданно остановился.*) Яков... Я тебя совершенно серьезно спрашиваю... Неужели здесь можно жить?

Яша, с трудом удерживая каталку, ничего не ответил. Они снова стали подниматься.

Даже принимая во внимание, что у тебя не все дома... Даже принимая во внимание, что у тебя далеко не все дома... Я бы в первую неделю повесился. В морге. Назло Наталье. Чтобы ей, стерве, строгий выговор с занесением. За плохую работу с кадрами. Иначе её не достанешь.

Они перевели дыхание. Каталка наконец-то стояла на площадке второго этажа. Человек, несколько раз глубоко затянувшись, привалился к стене и заснул.

Закатываем?

Яша. Может, в коридоре оставим?

Врач. Не улавливаете нюансов, Яков Борисович. В женскую — инициатива, в коридор — халатность. И бабенкам радость. А то они совсем скисли. Наша больница, плюс ремонт, плюс четвертый день дождь. Китайская пытка. В твоей подлодке наверняка была более уютная обстановка. Она все-таки всплыла. Ты чего?

Яша. Постучать.

Врач. Яков, ты бесповоротен. Абсолютно не способен делать поправки на окружающую действительность. Не надо стучать, не надо шуметь. И вообще... ничего не надо. Будет приятным сюрпризом. До утра не заметят, а утром не наше дежурство. Закатывай... Осторожно... На цыпочках...

Врач открыл дверь, и Яша, стараясь не шуметь, закатил каталку в палату. Дверь за ним тут же закрылась, и он замер, привыкая к темноте. Потом двинулся было в свободный угол, но тут Вонючка громким голосом сообщила...

Вонючка. А со второй койки уже с час, как померла. Не шевелится.

Яков оставил каталку в палате, попятился, спиной открыл дверь и вывалился в коридор. Врач еле успел спрятать бутылку, к которой только что собирался приложиться.

Яша. Там... Там умер кто-то.

В палате зашевелились.

Зинка. Лучше б ты, вонючка старая, сдохла. Хорошие люди помирают, а тебя никака холера не берет.

Вонючка. Что ж мне теперь, задавиться?

Врач. Снова в мое дежурство...

Нина Тарасовна. Если вы видели, что она померла, надо было вызвать дежурного врача. А вы сидите как ни в чем не бывало.

Вонючка. Сама не рада, что зажилась. Что поделаешь, если Бог смерти не дает. День и ночь прошум...

Зинка. Плохо просишь, тараканья еда.

Тася. Кого-то, женщины, еще прикатили. Тоже не дышит.

Нина Тарасовна. Включите свет!

Зинка. Включай, раз тебе надо.

Нина Тарасовна. Вы прекрасно знаете, что у меня на днях операция. Необходим абсолютный покой. Ни в ком ни капли жалости. Как звери...

Тася. Звери хорошие, люди плохие!

Врач. Что будем делать, Яков Борисович?

Яша. Полундра.

Врач. Вот именно. Резю-мирую... Труп предлагаются изъять, вновь прибывшего водворить на его место. К сожалению, произвести эту несложную операцию незаметно для окружающих теперь бесповоротно исключается.

Яша. А если свет не включать?

Врач. Иногда ты соображаешь вполне симпатично. Даже, чем я. В коридоре тоже вырубим. Чтобы полная... Как у негра... Давай, сионист, приступай.

Яша побежал вниз по лестнице, где неподалеку от входной двери был электроощиток.

Зинка. Таська! Ты ж, курва, ходячая. Включи свет. Поглядим, кого они привезли.

Тася. Боюсь.

Зинка. Кого?

Тася. Мертвых боюся, темно когда, боюся.

Зинка. Мертвые не кусаются. А свет включишь, темноты не будет. Только и делов. (Кричит.) Включай давай!

Тася (подскочила от крика и тоже закричала.)
Боюсь!

Вонючка. Мордва малахольная. Водку хлестать — «не боюся», мужиков через себя цельный полк перепустить — «не боюся», а два шага до дверей пройтить — зубами стукает.

Тася. Сама мордва нахальная. Сама иди, если тебе надо. Мордва какая-то... Такого народа совсем не бывает. Ханты есть, эвены есть, селькупы есть. Мордвы нету. Никогда не слыхала.

Нина Тарасовна. Я бы давно включила, буквально пошевелись не могу. Все дрожит...

Вонючка. А чего молодая жопу не сдвинет? Второй день лежит не шевелится.

Зинка. У тебя бы по четвертому месяцу выскребли, как бы ты шевелилась? Не троньте девку, пускай лежит. А ты, Таська, свой перепуг лучше себе в одно место засунь, а то я тебя сейчас так испугаю, ни один мужик за километр не подойдет.

Тася (испуганно). Почему не подойдет?

Зинка. Нехорошее дело с тобой случится.

Тася. Какое дело?

Зинка. Забудешь, как давать надо. (Кричит.) Включи свет, тебе говорят!

Тася неохотно стала сползать с койки.

Яша, выключив общий рубильник и потушив свет во всем здании, на ощупь двинулся в обратном направлении. На ходу он разговаривал сам с собой. Первая его фраза прозвучала неподалеку от Человека, который проснулся и снова выхватил из-за пазухи обрез.

Яша. Какая простая мысль, господа! Спасти можно лишь всеобщим усилием, направленным, как пронзающее острие, в причину наших бед и несчастий. Как только это спасительное лезвие коснется поверхности злоказчественного нарыва, все разом осознают, что осталось последнее мучительное усилие — и мы будем свободны. — Но позвольте, Сергей Львович (*возразил он самому себе*)... а если эта кровь, гной, грязь, которые хлынут... А они обязательно хлынут, потоком хлынут... Если они все отравят, заразят, уничтожат, кому нужны будут тогда эти ваши светлые идеалы? (*Он помолчал, а потом убежденно сказал.*) — Надо кричать. Только тогда они услышат. (*Поднимается по лестнице.*)

Человек с трудом перевел дыхание и зло сплюнул.

Тася, как можно дальше обойдя каталку с Николаем Степановичем, добралась до выключателя, несколько раз щелкнула им.

Тася. У тебя язык плохой. Все испортила.

Зинка. Тебя до меня сколь лет портили кому не лень. Дверь открай!

Тася открыла дверь, столкнулась с Врачом и с перепугу закричала.

Врач. Прошу соблюдать тишину! Во время ночного отдыха шуметь, кричать, ходить, нарушать распорядок — кате-горически! Вплоть до выписки. Почему крик?

Тася. Вторая койка померла. Дышала, дышала плохо, потом не стала дышать.

Вонючка. Я с вечера знала, что помрет. Птица сегодня в окошко стукала. Вон там вот села и сидит. И стукает. Клювом в стекло вот так вот стукает.

Зинка. В башке у тебя стукает, а с поднизу течет. Ты про эту птицу неделю подряд всем рассказываешь.

Нина Тарасовна. Целый вечер мы вынуждены находиться в одном обществе, можно сказать, с трупом. Во-первых, это негигиенично. Во-вторых, создает стрессовую ситуацию. Даже в голову не приходило, что в нашей больнице такие условия...

Вошел Яша, подошел к каталке и замер в ожидании.

Врач. Так... Где у нас... вторая коечка?

Тася, боязливо вытянув руку, показала. Все это время она пыталась разглядеть, кто лежит на каталке. Но подойти ближе боялась. Когда Яша подкатил каталку к «Покойнице», Тася быстро перебежала палату и вспрыгнула на свою

койку, которая была рядом. Яша и Врач тем временем растерянно топтались, пытаясь решить сложную задачу. Чтобы положить «труп» на каталку, надо было убрать с каталки Николая Степановича. А чтобы положить Николая Степановича на койку, надо было убрать «труп».

Всего-навсего надо поменять их местами...

Яша. Как?

Тася. Можно этого мужчину ко мне положить.

Нина Тарасовна. Целыми днями разговоры только о мужиках. Слава Богу, что у нас в палате их нет. А то тут такое бы началось!..

Вонючка (весело). Они к нам, бабы, кажись, мужика привезли. Таська сразу разглядела. Она мужской причиндал не то что в темноте, за кирпичной стенкой в натуральную величину разглядит.

Зинка. Ты, видать, тоже разглядела... (С трудом поднялась и, тяжело передвигая ноги, подошла к мужчинам.) Взаправду мужик! Что ж вы его, окаянные, прям в одеже? Мокрый весь... Вроде дышит...

Вонючка. Паралитика нам не хватало. Да еще мужика. Вовсе дышать нечем будет.

Зинка. От мужика вони не бывает. От мужика — запах. Это от тебя вонь. Была б моя воля, я бы тебя за окошко вместе с койкой вывесила. Пусть прополощет. (Яше.) Чего стоишь, блажной? Давай помогу. Правда, что ль, к Таське положим? Пусть погреется. (Врачу.) Чего стоишь, как хряк на разводе? Помогай... Руки совсем никуда стали...

Втроем они с трудом переложили Николая Степановича на койку Таси.

Врач. Не понял... «Хряк на разводе»... Это как?

Зинка. Когда его в чужом огороде колом по башке ошарашил.

Врач. А вы, Яков Борисович, говорили, что женщины будут недовольны. У нас прекрасные женщины. Все понимают.

Нина Тарасовна. Лично я считаю все происходящее возмутительным. Сначала не убирают труп. Потом привозят мужчину в женскую палату.

Врач. Обстоятельства. В том числе — ремонт.

Нина Тарасовна. Ну... я не знаю... Поместили бы в коридор.

Тася. Тебе места мало? Мертвую увезут, пусть лежит. Он даже шевелиться не может. Только дышит маленько. Совсем маленько.

Нина Тарасовна. Тем более.

Врач. Что?

Нина Тарасовна. Ничего. Я буду жаловаться.

Врач (закричал). Ради Бога! (В шутовском поклоне указал рукой на дверь.) Хоть в облздрав. С чего начнем? С отсутствия медикаментов? (Тихо и грустно.) Все равно, что на дождь жаловаться. А он как шел, так и идет.

Все прислушались к шуму дождя.

Яша. Больную с простыней забирать?

Врач. Какую больную?

Яша. Эту...

Врач. Это уже не больная. Летальный исход на почве острой сердечной недостаточности. Там... в твоей обетованной, её могли бы спасти. Запросто. А у нас не значится даже в отдаленной перспективе. Се ля наша районная ви... Без простыни. Не класть же его на голый матрас? Где я сейчас белье возьму? Галька... на дискотеку... Бери за голову.

Яша. Я лучше за ноги.

Врач. Почему? Хотелось бы понять ход твоих загадочных масонских мыслей.

Яша. Жалко...

Врач. Все равно не понял... Ладно, за ноги, так за ноги...

Они переложили «Покойницу» на каталку.

Нехорошо в таком виде... У кого-нибудь что-нибудь? Накрыть... А то маляры завтра придут, а она там лежит...

Вонючка. У райкомщицы лишняя простынь под подушкой.

Нина Тарасовна. Я тысячу раз говорила, что давно не работаю в райкоме. А простыня мне выдана старшей медсестрой специально для операции.

Зинка подошла к «Покойнице» и бережно накрыла её своим цветастым полушалком.

Яша. Она мне вчера яблоко дала. Ешь, говорит...

Вонючка. А мне кофту фланелевую посыпала. Знала, видать.

Зинка (неожиданно запела).

«Долина ль ты моя, долинушка,
Долина ль ты широкая,
На той ли на долине
Вырастала калина,
На той ли на калине
Кукушка вскуковала.
«Ты об чем, моя кукушечка,
Об чем кукуешь?
Ты об чем, моя горемычная,
Об чем горюешь?»

Голос Зинки был хорошо слышен во всем здании. Человек, осторожно поднимавшийся по лестнице, замер и так и стоял не шевелясь, пока песня не кончилась.

«Уж и как мне, кукушечке,
Как не куковать?
Уж и как же мне, горемычной,
Как не горевати?
Один был зеленый сад,
И тот засыхает,
Один был у меня милый друг,
И тот отъезжает...»

Яша. Я зажгу свет.

Врач. Зачем?

Но Яша уже торопливо вышел из палаты. Он сел на ступеньку лестницы и заплакал. На другом конце лестницы неподвижно сидел Человек.

Вонючка. У ней какая болезнь-то? Сколь ни спрашивала, только улыбается. Видать, и сама не знала.

Зинка. Девчоночка у неё сгорела. Трех годков еще не было.

Тася. Пожар?!

Зинка. Мужик... Он её годков на десять моложе. А жили неплохо. Пил только... Кто сейчас не пьет? Мотоцикл он во дворе чинил... Говорят, бензин разлил... Девчоночка рядом играла. Никто не видел, как дело было. Может, окурок бросил, может, еще что... Она-то в погребе картошку прошлогоднюю перебирала. Выскочила — девчоночка горит, катается, кричать уже не может...

Тася. А он?

Зинка. Убег куда-то. До сих пор отыскать не могут. С потрясения, видать.

Вонючка. Как же, потрясутся такие. Хлещет где-нибудь без просыпу.

Зинка. Сердце у неё и не выдержало...

Врач. Окончательный диагноз установит вскрытие.

Тася. Какое вскрытие?

Врач. Эле-ментарное. Когда у человека все наружи, диагноз, как правило, безошибочен. В любом желательном для нашего районного здравоохранения направлении.

Нина Тарасовна. Как это — в любом?

Тася (с ужасом). Меня тоже будут резать?

Врач. Если летальный — в обязательном порядке.

Тася закрыла глаза и, видимо представив себе эту страшную картину, пронзительно закричала. Услышав её крик, Яша опрометью бросился вниз, к рубильнику. А Человек, напротив, побежал прятаться наверх...

От крика зашевелилась, а потом медленно приподнялась и села «Покойница». Все оцепенели. В это время зажегся свет. «Покойница» оглядела всех и, ничего не поняв, смущенно улыбнулась...

«Покойница». Никак, заснула? Слыши, поет кто-то. Радио починили?

Зинка. Патефон завели.

«Покойница». Какой патефон?

Зинка. С ручкой... Ночь на дворе, а ей радио подавай.

«Покойница». Такой сон хороший приснился. Которую ночь без сна, а сегодня приснился. Едем мы с Оленькой вроде как на телеге... Вроде как через колок какой-то. Березки от солнышка светятся... А позади жеребеночек бежит. Оленька все его подзывает, чтобы ближе бежал. Мамка, кричит, мамка... Смотри, какая лошадка маленькая... (Всхлипнула.)

В палату вошел Яша и, увидев сидящую «Покойницу», застыл в восторженном потрясении.

Вонючка. А я за упокой по тебе прочла. Бог теперь накажет...

Зинка. Он тебя уже наказал.

Яша (потянув врача за рукав). Виктор Афанасьевич... Можно вас на минутку?

Они вышли в коридор.

Это потому, что я захотел.

Врач. Опять?

Яша. Теперь я совершенно убежден. Теперь окончательно. Без вариантов. Я вам еще не все рассказал...

Врач. Все ты мне рассказал. Тысячу сто пятьдесят один раз. И в прошлое дежурство, и в позапрошлые. Во всем окружающем пространстве я один тебя и слушаю. Сам не знаю почему.

Яша. Потому что вы добрый.

Врач. Потому что я стопроцентный алкаш. Что ты мне еще не рассказал?

Яша. Я тогда очень хотел, чтобы она всплыла. Закрыл глаза и кричал про себя: «Всплыви! Всплыви! (Кричит.) Всплыви!»

Вонючка. Опять сбежит. Как кричать зачнет, так к утру сбегает. Другой раз по целому дню ссыкать не могут.

Врач. Ну и?

Яша. Всплыла. И сейчас так же...

Врач. Что?

Зинка. Куда тут бежать? На тыщу километров грязюка. Мужика вон... насквозь мокрого привезли.

Тася. Раздеть его надо.

Зинка. Митькин двери запер. Он, когда эти дежурят, все двери запирает. Не сбежишь.

Яша. Сижу... Вокруг темнота, вода течет. Все, как тогда.

Врач. Ну...

Яша. Я глаза закрыл и кричу про себя: «Пусть она живая будет!» Потом крик еще какой-то... Зажег свет, прихожу, а она сидит.

Врач достал припрятанную бутылку и сделал несколько глотков. Яша восторженно смотрел на него, ожидая реакции на свое признание.

Нина Тарасовна. Мы были совершенно уверены, что вы умерли.

«Покойница». А я смотрю, отчего же я на коляске лежу... И шаль на мне такая прекрасная. Во сне такая точно была.

Вонючка. Два часа слухала — дышишь аль нет? Броде не дышишь. Ты как ожила-то?

Зинка. К тебе близко подкатили. Шибануло в нос твоими разносолами, так она с того свету кувырком.

Тася (повысив голос). Мужчина, говорю, мокрый совсем. Раздевать его надо.

Зинка. Давай. У тебя это дело хорошо должно пойти.

Тася. Какой хорошо? Он шевелиться не может.

Вонючка. Кабы мог, его бы сюда не притащили. Сюда только помирать и привозят.

Нина Тарасовна. Не говорите глупостей! Никто тут еще помирать не собирается!

Тася. Зачем помирать? Я его согрею сейчас маленько. (*С неожиданной силой и проворством начала поворачивать и раздевать Николая Степановича. Сначала сняла и отбросила мокрый плащ, потом с трудом сняла пиджак. Из пиджака выпали какие-то бумаги. Тася подняла их, развернула.*)

Зинка. Чего там у него?

Тася. За-ви-ще-ние... Завещение какое-то.

Нина Тарасовна. Завещание.

Тася. Мокрое совсем. Читать трудно.

Зинка. Дай райкомщице, пусть она разберет.

Нина Тарасовна. Неприлично... читать чужие документы.

Зинка. Неприлично в бане с мужиками мыться.

Вонючка. Может, там нужное чего?

Нина Тарасовна. Может, и нужное, только не для нас. Этим должны заниматься официальные лица.

Зинка. Таська у нас тоже официальная. Читай, давай.

Тася. Сама такая, как говоришь. Не буду читать.

Нина Тарасовна. Давайте. Надо разобраться, куда передать. Я имею в виду, в какую инстанцию.

Вонючка. Читай, читай. Там, может, детям его что отписано. А то так и похоронили бы с ним.

Зинка. Были б дети, он бы здесь сроду не оказался. Как чурку какую выкинули...

Тася отдала Нине Тарасовне бумаги. Та достала очки и пробежала глазами написанное. На её лице выражалось явное недоумение.

Вонючка (не выдержала). Ты чего для себя-то однай? Ты для всех давай прочитывай.

Нина Тарасовна. Не знаю... Ерунда какая-то...

Зинка. Кому ерунда, кому теща родна. Читай.

Нина Тарасовна. «Завещание. От скотника третьего отделения Большешапова Эн. Эс. Довожу до всеобщего сведения, что жить в настоя-

щее время не желаю по причине общего состояния жизни». Я же говорю, ерунда. Ошибка на ошибке. Грамотность у нас в районе просто волниющая.

Вонючка. Ты дальше, дальше разбирай.

Нина Тарасовна. «Все имущество прошу перечислить в пользу защиты мира. Машину Кольке подтверждаю не отдавать. Он из-за ее совесть полностью позабывал. В чем расписываясь окончательно». Подпись и число.

Вонючка. Колька — сынок, видать. Все они сейчас такие-то...

Зинка. А еще там чего?

Нина Тарасовна. Справка.

Зинка. Читай. Может, там понятно станет, что к чему.

Нина Тарасовна. «Справка. Дано настоящая Большешапову Николаю Степановичу, тысяча девятьсот двадцать девятого года рождения, в том, что с тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года и по настоящее время работал скотником в совхозе «Путь к коммунизму». За время работы показал себя в основном с положительной стороны. Неоднократно являлся победителем социалистического соревнования, награждался почетными грамотами, а также неоднократно вывешивался на совхозную Доску почета...».

Вонючка. У нас один тоже так-то на доске висел-висел, а потом от водки сгорел.

Нина Тарасовна. «В тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году награждается орденом Трудовой Славы. Член КПСС с тысяча девятьсот

шестьдесят четвертого года». Прекрасная биография. «В последнее время в связи с неблагополучным семейным положением и общеполитическим состоянием в стране стал недобросовестно относиться к доверенному ему участку работы, в связи с чем надолго значительно снизились. На что ему неоднократно было указано. Но он эти объективные указания игнорировал и продолжал заниматься критикой нашего внутриполитического положения. В результате чего ему было поставлено на вид единогласным решением администрации и парткома. После чего Большешапов Эн. Эс. принес в контору все свои многолетние награды, партийный билет, паспорт и завещание. Отвечать на вопросы и давать объяснения отказался. В последующем Большешапов Эн. Эс. заперся в своем доме и демонстративно перестал принимать пищу в течение нескольких суток. На неоднократные попытки родственников и соседей изменить данное положение не реагировал. В связи с вышеизложенным администрация совхоза «Путь к коммунизму» сочла необходимым ввиду крайне опасного для окружающих состояния больного доставить его в больницу и в случае неблагополучного исхода выздоровления полностью снимает с себя дальнейшую ответственность за случившееся. В чем и дана настоящая справка». До чего довели страну эти так называемые демократы! Даже таких прекрасных тружеников с толку сбили. Что еще ему надо было? Работал, жил, награды имел...

Зинка. Умного не собьешь, а дурак сам заблудится.

Мужик он, видать, хороший. Раздевай его, Таська, дальше.

Врач. Они будут категорически против.

Яша. Вы сами слышали, как они возмущались

Врач. Если они будут категорически против, ты также категорически успокаиваешься и идешь спать.

Яша. Спать на дежурстве нельзя.

Врач. Кто тебе сказал? Спать надо всегда... Когда хочется.

Яша. Мне не хочется.

Врач. Хорошо... Если они будут категорически против, ты не будешь больше кричать. Договорились? (*Открыл дверь и втолкнул Яшу в палату.*) Уважаемые женщины... Мы тут посоветовались и пришли к выводу, что была допущена ошибка. Больного мужского пола, согласно вашему пожеланию, до утра будем содержать в коридоре.

Тася (только что снянула с Николая Степановича брюки). Зачем в коридор? Его греть надо. Я уже раздela маленько. Холодный, как нельма мороженая.

Вонючка. Как же, отдаст его теперь Таська. Два месяца за мужика не держалась. Глянь, раскраснелась вся...

Тася. Зачем чепуху говоришь? Он старенький совсем. За что тут держаться? Это ему держаться надо.

Вонючка. Она его лучшей ваших уколов в чувство приведет.

Зинка. Только если он другу какую болезнь подцепит, мы не ответчики.

Тася. Никакой болезни у меня нет. Сказали, выпишивать скоро будут.

Нина Тарасовна. Пора уже успокоиться! Первый час ночи.

Врач. Значит, вы единогласно против, чтобы мы его забрали?

Нина Тарасовна. Я — против. То есть, наоборот.

Зинка. А тебя не спрашивают, лежишь и лежи. Наша забота, ежели что. Как он, Таська, живой еще?

Тася. Маленько живой. Чаю горячего надо, в шкуры завернуть.

Врач. Шкур не имеется. Чай тоже исключается. Так что, если вы не возражаете, оставляем. Только потом никаких претензий. Пойдем, Яков, нам с тобой тоже требуется отдых.

Яша. Можно потушить свет?

Тася. Туши, туши, спать надо.

Яша, прихватив каталку, катит её к выходу, тушил свет, уходит. Вместе с ним уходит

Врач. В коридоре они садятся рядом на скамейку и закрывают глаза. За окном по-прежнему ровно шумит дождь.

Врач. Давно хочу тебя спросить... Куда ты все время пытаешься убежать?

Яша. Вы не поймете, Виктор Афанасьевич.

Врач. Ты ведь никогда не убегал дальше пристани. Последний раз тебя нашли на кладбище. Ты сидел на могиле декабриста и пел песню на иностранном языке. Кажется, на немецком.

Яша. На французском, Виктор Афанасьевич.

Врач. Тем более. Петь на нашем кладбище по-французски... Об этом даже вопрос поставили на бюро райкома.

Яша. Зачем?

Врач. Первый вусмерть перепугался, что узнают в области. А наш район считается политически самым стабильным. Наталья еле тебя отстояла. Сослалась на твое заболевание и катастрофическую нехватку младшего медицинского персонала. Кстати, почему по-французски?

Яша. Все декабристы прекрасно знали французский язык. Говорили на нем, писали, даже думали.

Врач. Считаешь, они могли тебя услышать?

Яша. Никто этого не знает, Виктор Афанасьевич. Я считаю, это вполне возможно. Я им пел «Марсельезу»

Врач. Значит, ты знаешь французский?

Яша. Выучил.

Врач. Зачем?

Яша. Когда-нибудь пригодится.

Врач. Счастливый Человек. А я это «когда-нибудь» представляю только в одном виде. Рассказать?

Яша. Вы уже рассказывали...

Врач (не слушая). Наталья спускается в морг, моет руки холодной водой — другой, как ты знаешь, у нас не бывает, — надевает старые резиновые перчатки, подходит к моему сморщенному желтому трупу, берет соответствующий инструментарий и после некото-

рых усилий вытаскивает и складывает в эмалированный таз мои изношенные внутренние органы... С некоторой грустью она смотрит на мое хилое сердце и откладывает его в сторону, чтобы немного погодя разобраться в закономерности случившегося. Потом уверенными движениями она вскрывает мой преждевременно полысевший череп, достает мой мозг и нюхает. Мозг, естественно, пахнет алкоголем. В нем не осталось ни любви, не воспоминаний. В нем остался только запах алкоголя. Тяжело вздохнув... я надеюсь, Яков, она все-таки тяжело вздохнет... она бросит мой мозг в тот же таз. И я, наконец, буду легок и навсегда свободен от этой проклятой гнили, которую вот уже пятьдесят лет ношу в себе. Это будет прекрасно.

Яша. Вы тоже сумасшедший, Виктор Афанасьевич. Нам надо бежать вместе.

Врач (обнял Яшу). Куда, бедный ты мой жиденыш? Куда можно убежать отсюда?

Яша. Я сейчас буду кричать. Давайте я покричу, чтобы она снова полюбила вас.

Врач. На кой хрень мне это надо? Даже если она меня полюбит, то с моей стороны давно уже все исключается — кричи не кричи. Давай лучше повоем. (*Неожиданно опустился на четвереньки, поднял голову к сумрачному лицу какого-то святого, вперившегося в него с потолка осуждающим взглядом, и тихонько-тихонько завыл.*)

В палате, словно подброшенная этим воем, скочила со своей койки Вера. Некоторое время она стояла, словно прислушиваясь к чему-то. Потом, достав из-под матраса сверток с одеждой, начала торопливо одеваться.

Вонючка. Тебе по ихнему плану еще не мене недели лежать. И то, если все хорошо сладится. Идти тебе некуды. Мать-то насовсем согнала с квартиры или как?

Зинка. Чего ты-то суешься, ведро дырявое? Ну в каждую дырку затычка. Недаром детки твои тебя знать не хотят. Спровадили и рады без памяти, что воздух никто рядом не портит.

Вонючка. У тебя, матершинницы, и таких нету. Помрешь, похоронить никто не придет.

Зинка. А то к тебе кто придет, держи подол шире. Сколько лежишь, до сих пор никто носу не кашет. (*С трудом села.*) Ты, девка, вправду не дури. Швы разойдутся, кровью изойдешь. Кому ты нужна тогда будешь? Да у тебя любви этой проклятой вагон и маленькая тележка еще образуется. Устанешь считать аборты эти. По-первости тягостно, а потом как семечки щелкать будешь. Знаешь, сколько добрая баба за свою жизнь опраштывается? А куда деваться? Кабы все каждый раз рожали...

Нина Тарасовна. Какие гадости вы говорите! Она же еще почти ребенок.

Зинка. Теперь уже не ребенок... Стой, тебе говорят, дуроломная!

В е р а, схватив маленький узелок с веящими, бросилась из палаты. Выскочив в коридор, она так стремительно метнулась в сторону от двери, что сбила с ног Яшу, пытавшегося поднять все еще стоявшего на четвереньках Врача. Все втроем они упали на пол. Первым пришел в себя Врач.

Врач. Тебе категорически нельзя вставать. И никаких резких движений.

Вера (кричит). Ненавижу! Хотя бы молчали! А то учат. Все учат. Сами вот столечко... не понимаете ничего...

Яша осторожно дотронулася до её руки, пытаясь успокоить.

(С отвращением отдернула руку.) Пусти, дурак! Не трогай! Не смеите меня трогать никто! Тут дышать нельзя! Сплошная вонь, грязь! Все друг друга ненавидят. Все вы сдохнете здесь, как крысы! А я не хочу, не хочу, не хочу!..

Врач. Дышать тут действительно с трудом... На пределе. В том числе и из-за тебя тоже. Поскольку все мы в одной подводной лодке. Знаешь, сколько ты сейчас поглощаешь кислорода? Двойную дозу. Значит, кто-то другой проживет вдвое меньше. Он, например. Это закономерность. Правильно я говорю, Яков Борисович?

Яша. Я сначала тоже так думал... Это по инструкции. А потом понял, можно спастись...

Вера вскочила и побежала вниз по лестнице.

Зинка (выходя из палаты). Чего смотришь?! Догоняй, пока худо не было. Убьется девка.

Яша кинулся за Верой. Та с размаху ударила о входную дверь, с необыкновенной для её худеньких, слабых ручек силой рванула и затряслася ее. Дверь не поддавалась. Вера бессильно опустилась на пол. Яша взял ее на руки и понес в палату. Зинка села рядом с Врачом. Когда Яша проходил мимо, Врач болезненно поморщился.

Зинка. Похмелье подступает? Самое нехорошее время сейчас.

Врач. Какое?

Зинка. Волчье. Кому в голову стукнуло, в этот час руки на себя накладывают. Кому пора пришла, отходят.

Врач. Слышал... В этот час мы отгорожены от Солнца всей массой Земли. Колossalной массой... От одного этого можно сойти с ума. С полной очевидностью осознаешь, что никому мы, в сущности, не нужны...

Зинка. Каждый кому-нибудь да нужен.

Врач. Только не рассказывай, тетка, сказки, ладно? Кому я нужен? Ты? Бабка эта, из которой не прерывно льется моча?.. Эта девчушка, которую выгнала мать, обманул парень? А может, и парня не было, а? Изнасиловали кучей, как это сейчас сплошь и рядом. Ненка эта... Бросили на пустой барже. Наверное, думали, что убили. Знаешь, какую её привезли? Пьяная, избитая — живого места не было. С переломанной рукой, с добрым десятком болезней...

Пока выжила. Пока! А потом? Куда ей идти? Кому она нужна? «Покойница»... Тоже скажешь, что где-то её ждут не дождутся?

Нина Тарасовна решительно поднялась с постели и пошла закрывать полуоткрытую дверь, через которую громкий голос Врача был слышен каждому в палате. Про себя она услышала уже у самой двери...

Эта бывшая учительница, бывший завуч, бывший директор школы, бывший зам. зав. какого-то отдела райкома... Когда-то я даже ходил к ней на прием, выпрашивал квартиру. Представляю, с какой радостью её выпихнули на пенсию. Ждет операцию, как манну небесную. А у неё рак. Прекрасно видно без всяких анализов. О ней кто-нибудь пожалеет? Все до единого вздохнут с облегчением, когда её упакуют в деревянный ящик и плюхнут в раскисшую от дождя могилу.

Нина Тарасовна, потеряв сознание, сползла по стене на пол. Переступив через неё, с протянутыми вперед окровавленными руками, вышел Яша.

Яша. Виктор Афанасьевич, у неё кровь... Она вся в крови. Сделайте что-нибудь, Виктор Афанасьевич...

Зинка кинулась в палату, споткнулась о Нину Тарасовну, хотела её поднять, не смогла. Включила свет, кинулась к неподвижно лежащей Вере, выдернула из-под нее окровавленную простыню,

разорвала её, стала перед койкой на колени, что-то делая с Верой. Пытаясь остановить кровь, она торопливо шептала старый заговор.

Зинка. Два брата камень секут, две сестры в окошко глядят, две свекрови в воротах стоят. Ты, свекор, воротись, а ты, кровь, утолись; ты, сестра, отворотись, а ты, кровь, уймись; ты, брат, смирись, а ты, кровь, запрись. Брат бежит, сестра кричит, свекор ворчит. А будь мое слово крепко на утихание крови у Веры. По сей час, по сию минуту!

Врач сидел неподвижно, уставясь перед собой, свесив между колен руки. Яша плакал.

Яша. Виктор Афанасьевич, помогите ей. Она умрет.

Врач. Все мы умрем, Яша.

Яша. Я вас... Я вас сейчас убью, если вы не сделаете что-нибудь!

Врач. Что я могу сделать? Галька, блядешка, до утра. Сейчас её кто-нибудь понуждает, как говорят в этой местности. Значит, исходя из прежнего опыта, до утра она не возникнет. Все наши скучные медикаменты и перевязочный материал у неё в сейфе. А ключи от сейфа где-то рядом с её изнемогающим от любовных усилий организмом. Спрашивается, что я могу сделать?

Яша. Но вы же... Вы же — врач.

Врач. Я мог быть врачом, Яша. Может быть, даже очень неплохим врачом. Честное слово, я чувствовал призвание. А сейчас я Убийца.

Врач, который ничем не может помочь больному, — убийца.

Зинка. Сейчас, сейчас, моя горькая... Враз управимся, враз остановим... Ты не каменей, не каменей, дурья головушка! Подумаешь, большое дело... Бабе к крови не привыкать... На море на Окияне, на острове на Буяне, лежит бел-горюч камень Алатырь, на том камне Алатыре сидит красная девица, швея-мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, рудожелтую, зашивает раны кровавые. Заговариваю я рабу Веру. Раны её тяжкие, порезы глубокие. Булат, прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

Врач сделал несколько глотков из бутылки, посидел, дождалась, пока знакомое ощущение облегчения и замутненности окружающего не достигло мозга, потом ногой подтянул к себе каталку, забрался на неё, сложил на груди руки и замер.

Яша (медленно поднимается по крутой лесенке в свою каморку и, как всегда, когда он остается один, с кем-то разговаривает). Кровь — необходимый атрибут зарождения жизни. — Или все-силы смерти. — С вами трудно спорить, Сергей Львович, вы циник. — Я диалектик. Жизнь — смерть, смерть — жизнь, все неразрывно. Не надо цепляться за что-то одно. — Я боюсь смерти. — Глупости, она неизбежна. — Неправда, если я не захочу, я не умру. Если мы не захотим, мы не умрем. Самое трудное

— захочет всем вместе. Она отдала мне яблоко, значит, хотела умереть. Вера тоже хочет умереть. Виктор Афанасьевич хочет умереть. Но если мы не захотим, мы не умрем. Если я не захочу, они не умрут. (*Открывает дверь, включает свет и замирает. На него в упор смотрит дуло обреза.*)

Человек. Твоя хата?

Яша. Моя.

Человек. Закричишь, кончу.

Яша (улыбнулся). Я не боюсь. Мне осталось жить всего несколько месяцев.

Человек. На понт берешь?

Яша. Честное слово.

Человек. Курево есть?

Яша. Всего одна сигарета.

Человек. Кидай.

Яша достал и кинул ему сигарету. Человек тут же сунул её в рот и одной рукой попытался зажечь спичку. Спички ломались одна за другую.

Яша. Не бойтесь. Я ничего вам не сделаю. И кричать не буду. Здесь все равно никто не услышит.

Человек. Стой, где стоишь. (*Зажав обрез под мышкой, наконец, зажег спичку и закурил.*)

Яша (обрадованно). Я знаю, кто вы. (*Улыбнулся.*) Вы — Гриша.

Человек. Кто?

Яша. Без вариантов. Она все равно вас ждет. Она говорит, что вы ни в чем не виноваты.

Человек. Кто говорит?

Яша. Ваша жена. Она говорит, что это нечаянно. С каждым могло случиться. Она вас, по-моему, все равно любит.

Человек (после долгого молчания). Ты кто?

Яша. Младший медицинский персонал. Яша.

Человек. Еврей?

Яша. Все почему-то думают, что еврей. Хотя по паспорту я русский. Мама — Полина Федоровна.

Человек. А отец?

Яша. Отца нет.

Человек. Может, он еврей?

Яша. Не знаю. Мне все равно.

Человек. Вообще-то сшибаешь. А чего это ты себе вышку присудил?

Яша. Что?

Человек. Помирать собрался.

Яша. А... Я, конечно, не хочу умирать... У меня заболевание крови. Здесь такое не лечат.

Человек. Ну и мотай отсюда.

Яша. Ко мне здесь неплохо относятся.

Человек. Сдохнешь. Сам говоришь...

Яша. Кюхельбекер сказал: «Служение людям приносит бессмертие служащему».

Человек. Тоже еврей?

Яша. Декабрист.

Человек. Все равно чурка. Пожрать есть что-нибудь?

Яша. Найдем. Можно я сяду?

Человек (подталкивает ногой табуретку). Садись. Так кто я?

Яша. Она уже умирала и снова, кажется, хочет. Если вы к ней придетете, она раздумает. Она все время рассказывает о вас. Только вам надо умыться. Я был уверен, что вы где-нибудь рядом, что придетете. Я кричал, чтобы вы пришли.

Человек. Мечи реже. Ты что, с приветом?

Яша. Просто слегка не в норме. Виктор Афанасьевич говорит, сейчас почти все не в норме. Такое время. Вы, по-моему, тоже... Знаете, давайте умоемся. А то я в крови, вы в грязи... Она может испугаться.

Человек. Кто?

Яша. Ваша жена. Умоемся, а потом будем пить чай.

Человек. Давай.

Яша налил в таз воды, достал чистое полотенце, и они с человеком вымыли руки.

В палате Зина ика по-прежнему сидела рядом с Верой, и, поглаживая укрытую одеялом девушку, что-то чуть слышно напевала. В одинючка торопливо, часто крестилась и шептала молитву. Нина Тарасова с застывшим лицом неподвижно стояла у дверей. «Покиняя» разглаживала яркие цветы на Зинкином полуушалке и отрешенно улыбалась. Тася лежала неподвижно, боясь пошевелиться. Уткнувшись ей в плечо, сотрясающий крупной дрожью, плакал Николай Степанович. Он громко всхлипывал и пытался утереть слезы корявыми негнущимися пальцами. Постепенно, одна за другой, женщины услышали, что он плачет.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Прошло совсем немного времени. В палате все смотрели на Та сю, которая склонилась над плачущим Николаем Степановичем. Даже Веру, которую все еще поглаживала, успокаивая, Зинку, повернула голову.

Тася. Громче давай говори. Ничего не понять.

Николай Степанович что-то невнятно пропоротал.

Вонючка. Пить просит.

Тася. Пить, да?

«Покойница». Встать хочет.

Тася. Зачем вставать? Лежи, давай, а то снова сдохнешь.

Николай Степанович. Штаны.

Вонючка. Штаны просит.

Тася. Зачем штаны? Тебе зачем штаны?

Николай Степанович. Выйти.

«Покойница». Выйти хочет. Без штанов стесняется. Гришенка у меня тоже... стеснительный...

Тася. Штаны мокрые, сушить надо. Куда выйти хочешь? Ночь совсем. Закрытое все.

Вонючка. Может, ему по делу надо?

Тася. По такому делу, да? Сейчас горшок дам, зачем вставать? Если такой больной, лежать надо. (*Лезет под койку за горшком.*)

Николай Степанович с трудом сел, старательно натягивая на себя одеяло. Тася из-под койки подсунула горшок прямо ему под ноги. Николай Степанович окончательно перепутался и, собравшись с силами, встал. Его качнуло, и он ухватился за спинку койки. Тогда с него свалилось одеяло. Он растерялся и так и замер в полусогнутом положении. Тася поспешила на выручку. Она подобрала свалившееся одеяло, накинула на Николая Степановича и чуть ли не силой усадила его на койку.

Николай Степанович. Закурить, женщины... не обеспечите?

Тася. Чего сразу не сказал? Найдем закурить. (*Лезет в тумбочку за папиросами.*)

Зинка. Не успел с того свету вернуться, соску ему подавай. Дымить в коридор ступайте, тут и без вас дышать нечем.

Нина Тарасовна. Курите здесь, мне все равно. **«Покойница».** Я бы тоже побаловалась маленько.

Сердце куда-то падает и падает. Чего-то еще случится. У меня примета верная. И тогда падало. Картошку перебираю, а сердце неизвестно где.

Тася раздает всем желающим папиросы.

Нина Тарасовна. Дайте мне...

Зинка. Тася, выделяй тоже. А то от этих волнений все нутро загорклло. Надо же — второй покойник подымается.

Тася, зажигая спичку за спичкой, обнесла всех огоньком. Нина Тарасовна неумело затянулась, закашлялась. Остальные, кроме Вонючки и Веры, курили с удовольствием. Кутаясь в одеяло, жадно затягивался Николай Степанович. От слабости его покачивало.

Вонючка. Как в казарме какой. Света белого не видать.

Зинка. А то ты была в казарме.

Вонючка. И-и... Где я только не была! Начни вспоминать, не кончишь.

Зинка. Вот и вспоминай, все занятие.

Вонючка. Я и вспоминаю. Здесь, к примеру, храм Божий размещался. А мы в нем цигарки смо-лим.

Зинка. Мы смолим, а ты ссыпь день и ночь. Нас-то он, может, и простит, а тебе на том свете точно рога пообломают.

Нина Тарасовна. С Богом было легче...

Зинка. Не бери в голову.

Нина Тарасовна. Вы мне?

Зинка. Этого тоже к утру хоронить хотели, а он дымит, как самовар.

Николай Степанович. Точно. Отживаю.

Нина Тарасовна. Надо говорить «оживаю».

Николай Степанович. Я и говорю... Отхожу.

Вонючка. Это ты Таське спасибо скажи. Уж она по тебе елозила-елозила, мертвый бы поднялся.

Николай Степанович. Старательная женщина.

Тася визгливо захочотала. Вслед за ней невольно засмеялись остальные.

Зинка. Как там, на том свете? Не обижают с нашей пропиской?

Николай Степанович. Не дотянул маленько до того света.

Вонючка. Не сподобился.

Зинка. Таська его ангелам не отдала. Говорит, мужик еще хоть куда, самой пригодится.

Николай Степанович. Не ладом, конечно, получилось...

Зинка. Чего не ладом-то? Ожил вот, смолиши. Теперь живи не хочу.

Николай Степанович. Так на это у меня расчету не было.

Нина Тарасовна. Вы извините, мы тут с вашими бумагами ознакомились. Ничего не поняли.

Николай Степанович. Могу разъяснить, если интересуетесь... Я, бабоньки, категорически помереть решил. Чтобы в самое ближайшее время. Рассчитал — довезут до больницы, засунут куда в уголок, чтобы глаза не мозолили. И там я окончательно сгину, как негодный элемент. А меня к вам задвинули. Вместо вечного покоя кипятком ошпарили. Полежал я среди вас, и такой крик у меня внутри от всего образовался... (Всхлипывает и долго молчит.) Сил дышать не хватило. Ни дышать, ни помереть.

Зинка. С чего это ты помирать надумал?

Николай Степанович. Интерес к жизни пропал. Жить в настоящий политический момент нет никакой человеческой возможности.

Нина Тарасовна. Почему вы так считаете?

Николай Степанович. А зачем мы с вами вообще живем? Может мне кто-нибудь ответить на этот простой вопрос?

Врач (неожиданно проснулся и сел на каталке, не громко позвал). Яков... (Понял, что он совершенно один. Поддаваясь панике страшного похмельного одиночества, закричал.) Яков Борисович! Немедленно на выход! Вас ждут!

Наверху скрипнула дверь, и в темноте обозначился квадрат света, наискось перерезанный худой Яшиной фигурой.

Яша. Одну минуточку, Виктор Афанасьевич, сейчас я приду. (Закрыл за собой дверь.)

Врач (вновь навалившиеся тишина и темнота были так невыносимы, что он не то закричал, не то запел, с болезненной отчетливостью выговаривая каждое слово). «Когда мне невмочь пересилить беду... Когда подступает отчаянье... Я в синий троллейбус... сажусь на ходу... В последний... в случайный...»

Человек. Чего он?

Яша. Ему очень плохо. Потому что он очень хороший.

Человек. У тебя все хорошие.

Яша. Плохих тоже много. Я пойду?

Человек. Иди. Только если позабудешь чего...

Яша. Я все прекрасно помню. У меня вообще прекрасная память. Можете спать совершенно спокойно, сюда никто никогда не приходит.

Человек. Я к тебе, как к братану, с полным доверием.

Яша. Я понимаю.

Человек. Иди, а то кипеж подымет...

Яша вышел и стал спускаться по лестнице.

Врач. Яков Борисович, у вас прекрасная память... На какой день Бог создал человека?

Яша. На шестой.

Врач. Сегодня как раз шестой день. Суббота. Имеется возможность зафиксировать появление на местной почве гомо сапиенс.

Яша. Как?

Врач. Доказать свою принадлежность к существам разумным в наших условиях можно единственным способом. Мы должны бежать!

Яша. Как? Все закрыто...

Врач. Мне пришла в голову гениальная идея. У нас есть телефон. Мы звоним Наталье, и я прошу её прийти. Она приходит, открывает нас, и мы убегаем. Как?

Яша. Без вариантов. Наталья Николаевна вас любит. Знаете, что я кричал в прошлый раз? Я кричал, что она вас любит. Она обязательно придет.

Врач. Поехали.

Поскольку Врач все еще сидел на каталке, Яша подвез его на ней к самому телефону. Врач набрал номер. Яша стоял рядом. Отчетливо были слышны длинные, тоскливые, безнадежные гудки.

Не берет трубку.

Яша. Может быть, вы неправильно набрали номер?
Врач. Я помню этот номер даже во сне. Даже когда напиваюсь до потери сознания. Такая вот странность. Надеюсь, когда-нибудь она мне ответит.

Яша. Очень даже может быть.

Врач. Не может. Не берет трубку. Спит. Скорее всего, не одна. Она, конечно, сволочь, но она роскошная женщина, Яков. Этого никто не сможет отрицать.

Яша. Подождите, она проснется.

Врач. Она давно проснулась. Просто не хочет брать трубку. Она умная баба. Откуда могут звонить в три часа ночи? Только из больницы. Кто может звонить из больницы? Только я. У меня сегодня ночное дежурство. Если звоню я, значит, я пьяный. Значит, я вдребезги пьяный. Это она отлично знает по многочисленным прежним примерам. О чем можно говорить с пьяным человеком? Лучше совсем не говорить, что она и делает. (*Положил трубку.*) Чуда не получилось, Яков Борисович. Появление на свет существа разумного и свободного откладывается. И вообще... Зачем нам бежать, Яков?

В это время приоткрылась дверь палаты и на пороге возник закутанный в одеяло Николай Степанович.

Ни фига себе! (Яие.) Ты что, опять кричал?
Яша (не менее пораженный). Н-нет... Я о нем забыл.

Тася (выглянув из-за спины Николая Степановича).
Я ему горшок давала. Говорю, зачем встаешь, снова сдохнешь. Никак не слушает. В уборную ему надо. Я откуда знаю, где для мужиков уборная?

Николай Степанович. Объясняю, сам разберусь, так она ни в какую. Прямо неудобно за такие хлопоты.

Тася. Помогать буду.

Николай Степанович (чуть не плача). Объясните ей, товарищ врач...

Яша. Я помогу... (Уводит Николая Степановича.)

Тася проследила за ними ревнивым взглядом и хотела вернуться в палату, но **Врач** пальцем подозвал ее к себе. Тася с опаской подошла.

Врач. Твоя работа?

Тася. Зачем моя? Советской власти работа. Он сам сказал.

Врач. Что сказал?

Тася. Все, говорит, есть. Дом есть, машина есть, еще что-то есть — забыла. Жена померла. Давно уже. В прошлом году померла. Совсем один остался.

Врач. А советская власть при чем?

Тася. Откуда знаю? Он так говорит.

Врач. Что говорит?

Тася. Говорит, Колька себе машину забрать хочет.

Врач. Какой Колька?

Тася. Откуда знаю? Он его к себе сыном взял, одноко.

Врач. Приемным?

Тася. Ну да, таким. Все ему дал. Дом поставил, корову купил, стенку какую-то купил. Деньги давал. А он его сюда отвез. Машину хочет себе забрать.

Врач. А советская власть при чем?

Тася. Не советская, перепутала маленько... Коммунизм! Он во всем виноватый.

Врач. Коммунизм?!

Тася. Коммунизм, коммунизм...

Врач (хочет). Уйди... Уйди с глаз... Чтоб я тебя не видел больше...

Тася (торопливо шмыгнула в палату). С ума, одноко, сошел...

Врач резко оборвал смех. Услышав, что возвращаются Николай Степанович и Яша, спрятался за шкаф.

Николай Степанович. Если я раньше двигался со своей страной к коммунизму, то куда я двигаюсь сейчас? Можешь ответить? Не можешь. Значит, получается еще один вывод. Если я к коммунизму двигался в неверном направлении, то жизни моей нет никакого оправдания. Никому она в таком случае не нужна.

Они зашли в палату. Врач выбрался из своего укрытия и подошел к кабинету главного врача. Поправил волосы, одернул халат, постучался. Не дождавшись ответа, взялся за ручку и сильно дернул. Дверь дрогнула, но не поддалась. Тогда он взялся за ручку двумя руками, дернул, что было сил. Замок не выдержал, дверь распахнулась.

Он вел себя в этом уютном, хорошо обставленном кабинете, как у себя дома. Включил свет, включил магнитофон — зазвучала музыка. Достал из стола банку растворимого кофе, чашки и кофеварку, наполнил ее водой из графина, включил. Сел за стол, достал из одного из ящиков бумагу, взял ручку и стал что-то торопливо писать. Пока в палате шел разговор, он что-то писал, рвал написанное, снова писал. Потом заварил кофе. Не переставая, звучала тихая музыка...

В палате все смотрели на Николая Степановича. Яша стоял рядом.

Зинка. Придумал коммунизм какой-то... Меня спроси, я и не скажу толком, что он такое. Таська, может ты знаешь?

Тася. Пишут его везде. Такими буквами...

Вонючка. Не нашего ума это дело.

«Покойница». Это когда все люди поровну будут жить. И по любви.

Зинка. Я с тобой, может, поровну не захочу. Мне одного мужика за глаза хватит, а Таське их десяток подавай. Какое у нас с ней равенство?

Нина Тарасовна. Каждый будет жить, как захочет.

Зинка. Так хотелка тоже не одинаковая. Я так захочу, ты эдак, и будем друг другу на ноги наступать.

Яша. При коммунизме я бы поехал во Францию.

Зинка. Чего ты там забыл?

Яша. Я бы поднялся на Эйфелеву башню.

Зинка. Ну. А дальше чего?

Яша. Не знаю.

Вонючка. И весь тебе коммунизм.

Тася захочатала.

На вешалке рядом с дверью висел халат. Врач с ласковой бережностью, как к чему-то живому, протянул к нему руки, нежно прикоснулся, осторожно провел пальцами сверху вниз... и вдруг, сминая и комкая, сорвал его и уткнулся в него лицом, жадно вдыхая несуществующий, но до реальной отчетливости воплощенный воображением запах женщины. Из кармана халата на пол упал ключ. Врач долго и непонимающе смотрел на него, потом медленно наклонился, поднял.

Зинка. Нашел из-за чего помирать... Тыфу! Бабу хорошую найди, она тебя живо на ноги поставит. Хочешь, вон Таську сосватаем? Пойдешь, Таська, а?

Тася (хочет). Пойду. Я ему целый чум ребятишек нарожаю.

Яша. Если бы вы усыновили меня, я бы вас любил.

Зинка. И Яшу с собой возьмите. Чего ему тут горшки за нами выносить? Жените его. Правда, Яша?

Яша. Нет, жениться я не могу. Я под сильное облучение попал.

Николай Степанович. От этого дела я бы тебя вылечил. У нас был один такой-то. Мед ел. Потом столько еще детишек настрогал. Лучше меда ничего не бывает. Любую болезнь выгонит. Козье молоко еще неплохое сред-

ство. Травы знаю. Через год-другой думать бы забыл.

Зинка. Ну, зачем дело стало? И сам бы ожил, и людям польза.

Николай Степанович. Не знаю теперь, чего и сказать...

Врач, не закрыв кабинет, торопливо сбежал по лестнице, открыл найденным ключом входную дверь и вышел на крыльцо. Он был свободен. Сорвав с себя халат, бросил его на перила, сошел по ступенькам и, как в воду, бросился в наползающий от реки туман. Но буквально через несколько мгновений остановился, сделал шаг вперед, снова остановился. Потом повернулся назад, с трудом переставляя ноги, поднялся на крыльцо, взял халат и... поплелся назад, в кабинет, где все еще звучала музыка.

А кто в этом здании так кричит невероятно? Пока лежал, раза три или четыре такой крик был, сердце заходилось. А вы все не интересуетесь.

Женщины переглянулись.

Вонючка. Никто не кричал. Ни единого разу. Я бы услыхала, ежели что.

Зинка. Почудилось.

Нина Тарасовна. Вы были в таком состоянии, могло показаться что угодно.

Тася. Никто не кричал. Зачем выдумываешь?

Николай Степанович. Показалось, значит. Главное дело, явственно так. Не понять только что.

Яша. Это, наверное, я кричал.

Зинка. Напраслину не городи. Не было никакого крика.

Вонючка. Не было, не было. И все говорят, что не было.

Яша. Я неслышно кричу. Тогда получается. Все может получиться. О чем закричу, то получится.

Николай Степанович. То-то, я смотрю, ты себе веселую жизнь накричал. Да и голос вроде не твой был.

Яша. Для себя не всегда получается. Для других тоже не всегда, но чаще. Особенно в последнее время. (*«Покойница»*.) Когда вы умерли, я кричал, чтобы вы... стали живой. Прихожу — вы сидите. Про нее тоже кричал. (*Показал на Веру*.) Чтобы у нее обошлось. Несколько раз кричал. Я внутренне кричу... Глаза закрою... и кричу. (*Закрыл глаза, вытянулся в струнку, качнулся от напряжения. Стало похоже, что он действительно что-то кричит*.)

Все невольно замерли. Вера даже приподнялась. Лицо Яши исказилось от усилий. Остановился, к чему-то прислушиваясь, Врач.

(*Вдруг сник, переступил с ноги на ногу и открыл глаза*.) Самое главное — очень захотеть. Изо всех сил. Тогда получится. Без вариантов.

Вера. Что ты кричал сейчас?

Яша. Так. (*Смузенно улыбнулся*.) Чтобы мы вышли отсюда.

Тася (*грустно*). У меня дедка тоже шаман был.

Зинка. Тоже кричал?

Тася. Зачем — кричал? В бубен бил. У него бубна нету, пусть кричит.

Нина Тарасовна. Чем мы, в сущности, отличаемся от него? Придумываем иллюзии, теории. Без этого было бы вообще невозможно жить. Лучше хоть во что-то верить...

Зинка. Ты кому кричишь? Богу, что ль?

Яша. Не Богу, конечно. Вопрос с Богом для меня еще не совсем ясен. Зато совершенно очевидно, научно доказано, что существует множество измерений. Существуют другие пространства, другое время. Существует бесконечный Космос. Мы об этом еще очень мало знаем. Только догадываемся. Но что-то резонирует, отзывается. Не каждому, конечно. Мы пробиваем дыры, щели. И оттуда приходит помощь.

Вонючка (*с неожиданной злостью*). Без Бога ты с игольное ушко дырку не проколешь. Прости меня, Господи...

«Покойница». Я тоже другой раз думаю, как он. Захотеть так, чтобы все силы, что есть, отдать, и услышится где-нибудь.

Нина Тарасовна (*опомнившись*). Ой, ну что вы городите?! Где услышится?

«Покойница». Уже как мертвая была. Гляжу, Оленька рядом стоит, в руку дышит. Тепленько так, щикотно. И так мне хорошо...

плачу, не скрываюсь. Она мне: «Мамка, мамка, не плачь...» Потом спрашивает: «А папка где?» У меня аж дыхание зашлось. «Ты, — говорит, — другой раз с папкой приходи». Где ж, думаю, я тебе папку разыщу? А тут вроде как зовет кто. Обратно зовет...

Яша. Хотите своего мужа увидеть?

В палате повисла напряженная тишина. Вера снова приподняла голову с подушки. Зинка не заметно показала Яше кулак.

Вонючка. Безмозглый и есть. Верно говорят, Бог зря не накажет.

Нина Тарасовна. Действительно, надо же хоть немного соображать. Не совсем же вы, раз вас допускают ухаживать за больными. Надо всегда помнить, что неловким словом можно убить.

Тася. А чего такого? Мужик пропал, любая знать захочет.

Вонючка (*Николаю Степановичу*). Он у нее дите сгубил. Да еще сбежал, паразит.

«Покойница». Зачем так-то? Гриша Олеиньку прямо не знаю как любил. Даже больше, чем я. Спать не ляжет, пока около нее не посидит.

Вонючка. Чего ж сбег тогда? Тебя бросил.

«Покойница». Помутился. У меня сердце не выдержало, а он помутился. (*Вытерла слезу.*) Его, скорее всего, и в живых-то давно нету. Руки на себя наложил.

Яша. Хотели бы увидеть?

Николай Степанович. Ты это... Нехорошо...

Яша (*Все больше впадая в восторженное состояние, в котором действительность начинала восприниматься им как радостное подтверждение овладевшей им идеи*). А вы поверите, если я приведу его?

Вонючка (*тихо*). С того свету?

Зинка. В дырку твою поверить?

Яша. В возможность, как вы не понимаете...

«Покойница». И пил он не так часто. Это у них работа такая. А дома только по праздникам.

Зинка. Сам говорил, все двери закрытые. Ни сбежать, ни привести. Так что молчи лучше. Или про другое кричи. Вон, чтобы она мочиться в койку перестала. А то уже никакого терпения рядом находиться. Я тебе, если это выкричишь, во что хочешь тогда поверю.

Яша. Если мы все... понимаете? Все поверим, то сможем докричаться до параллельного мира. Оттуда прорываются импульсы колоссальной мощности. Они способны все здесь перестроить. Тогда все будут счастливы. Только лучше всего кричать по-французски...

Николай Степанович. Я тебе хоть петухом прокарекаю, если эта дырка на самом деле имеется. Только, боюсь, с ней как с коммунизмом. А начнешь своими мозгами соображать — и нет ничего. Спать лучше ступай. Тебя вон не хуже моего качает.

Яша (*кричит*). Если я его приведу, вы мне поверите?

Вера. Приведи!

Зинка. Да как он его приведет, когда закрыто все?! (*Яше.*) Веди давай! Наобещал — веди!

Вера. Если он его приведет — буду жить.

Яша (Николаю Степановичу). Если я его приведу, усыновите ее, ладно? То есть удочерите. Она хорошая, не думайте.

Тася. А я в тундру уеду. Буду слушать, как гуси кричат.

Николай Степанович. И приводить мне для этого дела никого не надо. Если желаешь, и тебя с собой заберу.

«Покойница». Нет! Пусть приведет! Оленька прошила, чтобы мы вместе...

Нина Тарасовна. Сумасшедший дом! Нельзя же до такой степени поддаваться! Я тоже узнала, что безнадежная, что рак. Что мне теперь, Богу молиться?! Надо же хоть какое-то достоинство.

Яша. У вас тоже все будет хорошо.

Добрая, кривая от смущения улыбка Яши стала той последней каплей, которую не выдержали нервы Нины Тарасовны. Она схватила Яшу за халат и затрясла что было сил.

Нина Тарасовна. Хорошо, да? Хорошо? В ящики... в могилу... это хорошо, да? Сумасшедший, идиот! Ты на этом и чокнулся, что хочешь из нашей страны! Знаем мы этот параллельный мир! Все вы, евреи, спите и видите, как бы туда... Параллельные не пересекаются, между прочим. Мы здесь подожнем! Здесь! И никто по нам плакать не будет! Столкнут в мокрую глину, и все. Убирайся на свою Эйфелеву башню! В свой вонючий Израиль! Хорошо... Ему еще хорошо... (Оттолкнула

Яшу, рухнула на свою койку и стала биться головой о подушку, задыхаясь от стонов и криков, которые рвались из ее груди.)

Яша медленно пошел к двери. В дверях остановился и тихо сказал.

Яша. Я сейчас его приведу...

И вышел в коридор. Он пошел было к себе на верх, но увидел приоткрытую дверь кабинета, услышал музыку, доносившуюся оттуда. Это было так необычно и неожиданно, что он замер, потом осторожно, очень осторожно заглянул. Высунувшаяся из-за двери рука рывком втащила его в кабинет. Яша испуганно вскрикнул. Перед ним стоял Врач. Таким его Яша еще никогда не видел. Ему стало страшно.

Врач. Слушай... Дуракам счастье... Набери номер. Можешь даже предварительно покричать. Как ты там кричишь? Я не возражаю... (Подводит Яшу к телефону.) набирай! Пять... шесть... один... Ну? Чего стоишь?

Яша. Я наберу, Виктор Афанасьевич, но кричать не буду.

Врач. Почему?

Яша. Мне кажется... (Струдом.) Вы хотите ее убить.

Врач. Я? Ее? Ха-ха-ха... Странная мысль. Не такой уж ты сумасшедший, как все мы тут про тебя решили. Глупости. Зачем мне ее убивать? Мы с ней убежим. Ты же хочешь убежать? Я тоже хочу. Может быть, мы возьмем тебя с собой. (Кричит.) Набирай!

*Яша покорно набрал номер и протянул трубку
Врачу. Слышины длинные тоскливые гудки.
Яша, подождав немного, пошел из кабинета.*

Подожди... Послушай, что я ей скажу. А то правда будешь думать... Подожди, тебе говорят! Иди сюда!

Яша нехотя вернулся.

(Взял со стола лист бумаги, протягивает его Яше.) Читай! Не хочешь? Тогда я... «Главному врачу участковой больницы номер один, Эн. Эн. Курбатовой. Заявление. Уважаемая Наталья Николаевна, вопреки вашему необъективному мнению, что я не способен на окончательное решение, прошу уволить меня по собственному желанию с сегодняшнего числа, в связи с тем, что я тоже не верю в наше светлое будущее. В просьбе прошу не отказать». Ну, как?

Яша. Вы уже много раз писали такие заявления.

Врач. Писал, не отрицаю. Только не такие. Там не было про светлое будущее. Это очень важно. Понимаешь?

Яша. Понимаю.

Врач. Что-то вы не такой, как всегда, Яков Борисович. Раздумали убегать?

Яша. Двери закрыты.

Врач. Правильно. Двери закрыты, люки задраены. Погружение продолжается. На самое дно. На четыре тысячи километров от Москвы до самых до окраин. Вокруг вода и грязь. Бе-

жать некуда. Воздуха хватит на два с половиной часа. Потом будем медленно сходить с ума, блевать и задыхаться. Чувствуете, Яков Борисович, какая здесь атмосфера?.. А наверху — солнце, морской воздух, ветер. Яхты, как чайки, белые корабли с музыкой...

Яша зажал уши, чтобы не слышать.

(Отводит его руки. Голос то и дело срывается на крик.) Нет, ты слушай, слушай... Слышишь гудки? СОС, СОС, СОС... Бесполезно. Она не хочет брать трубку. Мы вместе здесь сдохнем... вместе будем задыхаться... вместе сойдем с ума... (Обнимает дрожащего Яшу, говорит тихо, мечтательно.) Когда лодку поднимут, найдут нас. Долго будут думать, почему они оказались вместе? Сумасшедший еврей и пьяный русский эскулап. Веселенькая загадочка для будущих поколений. Ха-ха-ха... (Голос его срывается и снова становится резким и крикливым.) Да-дай споем «Марсельезу», Яков! Ты по-французски, я по-русски... «Отречемся от старого мира...». Ну? Подхватывай! Ну? Ты чего?

Яша *(вырываются и отбегает в сторону.)* Не хочу умирать!

Врач. А куда денешься? Двери закрыты.

Яша. Я приведу Гришу!

Врач. Какого Гришу? Распутина?

Яша. У которого дочка сгорела. Тогда они мне поверят.

Врач. Кто?

Яша. Все. Они думают, что умрут. Если я приведу Гришу, они поверят.

Врач. Поверят во что?

Яша. Что можно что-то сделать.

Врач. Что?!

Яша. Тася уедет в тундру.

Врач. И окочурится там после первой же бутылки.

Яша. Гриша увезет жену. Он мне сам говорил, что он ее любит.

Врач. С Гришой все ясно. С женой хуже. У нее не сердце, а тряпка. На него достаточно плюнуть, и оно остановится. А ты хочешь, чтобы по нему монтировкой. Или гаечным ключом, которым он чинил мотоцикл. Впрочем, для нее это даже лучше. Что дальше?

Яша. Он нас с Верой усыновит. Мы будем есть мед, пить козье молоко, собирать травы.

Врач. Кто вас усыновит? Гриша?

Яша. Даже эта женщина... Которая ругается... Она думает, что она безнадежная. Если она увидит Гришу, она будет думать по-другому.

Врач. Все? Если увидит, будет. Бедный дурачок... У тебя в голове все окончательно перепуталось. Мы лежим на дне. Наш СОС никто не слышит. (*Кладет телефонную трубку. Гудки стихли. Достает припрятанную бутылку и выливает в стакан остатки.*) Тебе не предлагаю, не поможет. А мне — лишние тридцать минут примирения с окружающей действительностью. Будь здоров!

Яша. Я пойду, Виктор Афанасьевич?

Врач. Куда?

Яша. За Гришой.

Врач. Ты мне надоел со своим Гришой. Нет никакого Гриши! Понял?

Яша. Он там, наверху. У него ружье с собой.

Врач. Ружье? Зачем ружье?

Яша. Не знаю. Он боится.

Врач. Странно. Чего тут можно бояться?

Яша. Я ему тоже объяснял.

Врач. А он?

Яша. Говорит, сейчас всего надо бояться. Говорит, если что — будет стрелять.

Врач. Веселенькие перспективы. И ты его хочешь привести? Со всеми его милыми симптомчиками? С ружьишком? Так я тебя понимаю?

Яша. Я попрошу, чтобы без ружья...

Врач. «Без ружья», «попросишь»? Ну, тогда еще ничего. Ты его приведешь, и они тебе повстроят? Не глупо. Я бы даже сказал, гениально. Если чудес не бывает, их можно придумать. А потом вы все пойдете по водам... Может, и меня с собой прихватите? А что? Мы пойдем с тобой во главе отряда смертельно больных людей и будем петь «Марсельезу». Ты по-французски, я по-русски. Гриша вообще петь не будет, он будет мычать. Кстати, а кто понесет бабку? Она же не может ходить. Впрочем, это ее проблемы. Захочет, поползет на четвереньках, не захочет, пусть сидит и мочится в постель.

Яша. Я ее понесу.

Врач. Тогда ты не сможешь во главе и не сможешь «Марсельезу». Да, а как мы уйдем? Двери-то закрыты. Как преодолеем?

Яша. Откроем.

Врач. Как? Выломаем объединенными усилиями?
Или ты покричишь, чтобы пришел Митькин
и открыл? Он, гад, все равно не откроет.

Яша. У каждого человека должно быть право уйти,
когда он захочет.

Врач. Должно. В этом вопросе наши взгляды
совпадают. Но только в этом. Дальше они рас-
ходятся в противоположные стороны. Объяс-
нить в какие? Я хочу уйти сам, ин-ди-виду-
ально. А ты хочешь изобразить инопланетя-
нина в цыганском таборе. Принципиальная
разница. Я хочу сдохнуть в одиночестве! Мне
не надо никаких сопровождающих! Мне не
надо никакого Гриши! Впрочем, тебе тоже
придется обойтись без него. Хотя очень хо-
телось бы посмотреть...

Яша. Я его сейчас приведу.

Врач. Не приведешь. Потому что его нету. Не су-
ществует. Ты его выдумал. Очередной твой
закидон. Вроде общения с декабристами. Все
очень просто, Яков. Нет декабристов, нет
Гриши. Есть только страшный, нелепый экс-
перимент, который кто-то проводит над нами
с не известной никому целью. И следит... За
каждым движением, за каждым словом, за
каждой мыслью... У тебя никогда не было
ощущения, что твой мозг вывернут наизнан-
ку и кто-то рассматривает его под микро-
скопом? И как только у тебя появляется что-
то самостоятельное, что-то свое, пинцетиком
— и в тазик. Чтобы не нарушило хода экспе-
римента... Нет Гриши и быть не может!

Яша. Есть!

Врач. Хорошо. Придется тебе доказать. (*Достает
из кармана ключ.*) Ключ... Видишь?

Яша. Вижу.

Врач. Поднимаемся к тебе. Если Гриша в наличии,
открываем и уходим. Если нет — извини. Бу-
дем продолжать лежать на дне. Договорились?

Яша. Только я пойду первым. Я должен его пре-
дупредить.

Врач. Милый мой... Нас давно уже предупредили,
что твой Гриша еще две недели тому назад
найден в заброшенной железнодорожной
сторожке в полуразложившемся состоянии.
Выводы следствия — самоубийство. Выст-
рел из охотничьего ружья в рот. Ружье ря-
дом. Просили предоставить жену для опоз-
нания трупа. Мы, естественно, отказали. Там
никого нет, Яков. Тебе придется с этим со-
гласиться. Чудес в этой жизни, к сожалению,
не бывает. Она проста и глупа. Как порок сер-
дца или рак желудка.

*Они вышли из кабинета и стали медленно подниматься по лестнице. Гулкие шаги, гул-
кие голоса множились каменными сводами. В посветлевшем подкупольном пространстве на
противоположной стене четко обозначилось изуродованное временем и человеческими ру-
ками, но все еще прекрасное лицо Спаса.*

Яша (*пытаясь опередить Врача*). Пожалуйста, Вик-
тор Афанасьевич... Он услышит и испугает-
ся... Он говорил, чтобы только я...

Врач. Ему нечего бояться, Яша. Он давно уже умер.

Яша. Он не будет говорить с вами. Он только со мной...

Врач. Естественно. Ты все время разговариваешь сам с собой.

Яша (догоняет врача, обхватывает его руками). Виктор Афанасьевич... Он может выстрелить.

Врач. Это уже неинтересно. Стреляющие фантомы... Перебор. Между прочим, меня бы это устроило. Доказывать, так доказывать. Весомо, грубо, зrimо... Уберите руки, Яков Борисович...

Врач рывком освободился от Яшиных объятий и оттолкнул его. Яша шумно скатился вниз на несколько ступенек и едва удержался за перила. Врач продолжал подниматься.

Яша (кричит). Не бойтесь, это Виктор Афанасьевич, дежурный Врач. Я о нем рассказывал...

Врач. Глубокоуважаемый Гриша! В целях избежания напрасного кровопролития предлагаю сдать имеющееся в наличии оружие и пролететь за нами в качестве наглядного доказательства безграничных возможностей человеческого воображения. В случае сопротивления вынуждены будем прибегнуть к грубой физической силе...

Яша уже почти добрался до площадки перед дверью, когда Врач демонстративно широким жестом распахнул дверь и шагнул навстречу выстрелу. Он изумленно посмотрел на Яшу и упал лицом вниз.

В палате многие не услышали выстрела.

Вонючка. Вроде как стрельнули...

Зинка. Дверь хлопнула.

Вера. Долго как...

Нина Тарасовна. Ты что, поверила ему? Взрослая девица... Стыдно! (Заметно, что она тоже прислушивается и ждет.)

Тася. Все равно в тундру поеду.

«Покойница». Я думала, может, Гриша ему как-нибудь знать дал.

Нина Тарасовна. Всё! Всё, всё, всё... Немедленно... Сейчас же... Убедилась, какие здесь врачи, какая обстановка... Не способны поставить элементарный диагноз. А я, дура, на операцию еще надеялась. Кто ее тут будет делать? (Суетливо собирается.)

Вера. Чудес не бывает. Об этом во всех школьных учебниках написано. (Отворачивается к стене и замирает.)

Вонючка. Я еще когда сказала, что сбежит. Так-то без Бога...

Нина Тарасовна. Очень даже прекрасно, что так все получилось. Если сбежал, значит, дверь настежь. Часа лишнего не останусь. (Снимает халат, вспоминает про Николая Степановича.) Отвернитесь! Забегу домой, соберу вещи, вечером буду в городе. Если бы рак, что я, не почувствовала бы? У меня и болей почти никаких. Конечно, сначала зарежут, потом на рак свалят. Слава Богу, вовремя разбралась... И вам всем советую — бегите, пока не поздно...

«Покойница» по-прежнему не отводила глаз от дверей. Зинка, подсев к Николаю Степановичу, что-то настойчиво втолковывала ему, часто оглядываясь на Веру. Вонючка морщилась, низко склонив голову. Тася дремала. Яша и Человек осторожно несли вниз по лестнице Врача. Задача была не из легких — лестница была узка и крута. Благополучно спустившись, они передохнули и пошли по коридору. У дверей операционной Яша остановился.

Яша. Сюда...

Человек толкнул ногой дверь, и она открылась. Они положили Врача на операционный стол, и Яша включил полный свет.

Зинка и Николай Степанович подошли к задремавшей Тасе. Зинка потрясла ее за плечо — Тася испуганно вскинулась.

Тася. Пришел, да?

Николай Степанович. Имеется серьезное предложение, Таисья Тимофеевна. Посоветоваться по общему для всех нас вопросу.

Зинка. Девку надо спасать. Нехорошее она задумала. По глазам видать. Я таких-то на своем веку повидала.

Они склонили друг к другу головы и стали шептаться.

Яша. Я пошел звонить.

Человек. Ты пойдешь звонить, когда я сделаю зекс в неизвестном для тебя направлении.

Яша. Он умрет.

Человек. Не смеши. Понтиру кидает твой лепила. От силы две-три дробины ему залетели. Спросонья очко сыграло, киксанул. Думал, менты. А потом ты нарисовался. Ну, я и до-пер, что ванька свалял.

Яша. Я думал, вы его убили.

Человек. Мне с моим задком только мокрухи не хватало. У меня эта дура только для шухеру в ночное время. Оклемается, не боись.

Яша (грустно). Значит, вы не Гриша.

Человек. Рад помочь, да самому невмочь. Маманя по трезувуке Юриком обзвывала. На этом воспоминания завязываем. Если не раскидывал про свою загибаловку, совет — рви отсюда когти, не будь сохатым. На этой помойке здоровяк через неделю поплывет, а с фитилями, вроде тебя, полный шандец. Если ко-пек недостача, могу ссудить... (Достает пачку денег.) держи... Приобретай билет до Сочи. Загибаться, так с музыкой. Под пальмами. По соседству с цветами и чувихами. Ничего не поделаешь, жизнь есть житуха и наоборот. Иногда — мы обстоятельства, иногда — они нас. Когда они, ЦРУ рекомендует расслабиться и постараться получить удовольствие. Ладушки? Покедова, мужики. Извиняюсь за временно причиненные неудобства. (Идет к выходу.)

Яша. Там... Там все закрыто.

Человек. У меня с самого детства нехорошая привычка: когда что-нибудь закрывают, обязательно хочется открыть.

Врач молча поднял руку с ключами. Человек, немного подумав, взял ключ.

Нескромный вопрос... Кто не так чтобы очень давно пел в этом помещении народную песню?

Яша. Женщина... одна...

Человек. Красивая?

Яша. Не знаю.

Врач. Была.

Человек. Почему-то так и подумал. Второй нескромный вопрос... Кто такой Сергей Львович?

Врач. Заведующий районо.

Человек (Яше). Ты с ним про нашу жизнь говорил?

Яша. Князь Величанин. Он был здесь проездом с китайским посольством в тысяча восемьсот тридцать четвертом году. Я недавно читал его воспоминания...

Человек. Усек. Передавай ему привет от начинаящего рецидивиста Юрия Андреевича Трынкова. (*Покидает операционную, неторопливо спускается по лестнице, не спеша, открывает входную дверь и выходит.*)

Врач. Врет, паразит, что две дробины. Рука не поднимается.

Яша. Давайте я вас перевяжу, Виктор Афанасьевич.

Врач. Чем? (*В ответ на Яшино замешательство.*)

Вот именно. Ладно, не смертельно. Знаешь, почему я испугался? Что он действительно Гриша. И ты окажешься прав.

Яша. Он не Гриша.

Врач. Что и требовалось доказать. Шествие по водам отменяется. Все остается на своих местах. Знаешь... сходи к Наталье и забери мое заявление. И потуши этот проклятый свет!

Яша потушил свет и вышел.

Зинка, Николай Степанович и Тася подошли к Вере. Та по-прежнему лежала, отвернувшись к стене. Николай Степанович и Тася были одеты. Нина Тарасовна, тоже одетая, заинтересованно остановилась у дверей. Зинка села рядом с Верой и повернула ее к себе.

Зинка. Разговор есть... (*Николаю Степановичу.*)

Давай, чего стоишь?

Николай Степанович. Такое, значит, дело... Согласная на мою фамилию перейти? Ты только не подумай чего... Я тебя вроде как во внучки... Все, что есть в хозяйстве, на тебя запишу. Будешь вполне самостоятельной женщиной.

Нина Тарасовна. Зачем это вам?

Николай Степанович. Как? Человек все-таки должен существовать для чего-то.

Нина Тарасовна. Всю жизнь для чего-то, для кого-то... Да просто жить! Дышать, ходить по траве, читать книги... Я смотрю, ваша ошибка вас ничему не научила.

Николай Степанович. Не скажи. (*Вере.*) Ну как?
Согласная?

Вера. Не знаю... Сразу как-то...

Вонючка. А ты не раздумывай, дурья башка. Тебе
куда итти-то, как на ноги станешь? Некуда.
А тут тебе полное обеспечение.

Зинка. Не захочешь, уйдешь, никто держать не будет.

Тася. Я тоже с вами пойду. По хозяйству помогать буду.

Николай Степанович. Если договорились, собирайся тогда. Мы поначалу к сеструхе моей, она тут неподалеку проживает. Погоду переждем, на ноги подымемся — и ко мне. Женщина вон правильно говорит — уходить отсюда надо.

Зинка. Вставай, вставай. Я на тебя заговор крепкий наложила, теперь оклемаешься. Человек он, сразу видать, бескорыстный. Пригреешься, отйдешь, а там сама решишь, что и как.

Вера осторожно встала. Неожиданно поднялась и засобиралась «Покойница».

«**Покойница**». Гришка-то дурной. Его начни звать, ни за что не пойдет. Подумает еще, что я его видеть не желаю. Пойти показаться... С виду он — слова лишнего не скажет. А внутри ласковый.

Зинка. Ты бы лучше не надеялась. Яшка от дурости своей придумал...

«**Покойница**». Нет! Он точно что-то про Гришеньку знает. Я это вот так вот чувствую.

Вонючка (*глядя в окно*). Туман-то какой пошел...
Ничего не видать.

Тася. Туман хорошо, тепло будет.

Нина Тарасовна. Господи, как я соскучилась по солнцу. Кажется, выгляни оно, и все пройдет. Я сейчас загадаю... Если сегодня выглядит солнце, все будет хорошо.

Зинка. Судьбу попусту пытать, споткнуться можно.

Нина Тарасовна. Я не судьбу. Просто загадаю. Дождь надоел. Ну что, все собрались? Приядем перед дорожкой...

Все сели.

Яша с заявлением в руках вошел в операционную. Врач неподвижно лежал на столе.

Яша. Виктор Афанасьевич!

Врач (*не открывая глаз*). На шестой день товарищ Бог дал маху...

Яша. Почему?

Врач. Он должен был дать нам шанс. Раз создал, должен был пожалеть... А он вышвырнул, ничего не объяснив и не растолковав. С его стороны это было не очень умно. До сих пор мы все еще бредем в обратном направлении. (*Садится.*) Заявление принес?

Яша отдал ему заявление. Врач разорвал его и бросил на пол.

Впереди шла Нина Тарасовна. За ней, поддер-живая друг друга, Николай Степанович, Тася и Вера. По отстав, плелась «Покойница». Они спустились по лестнице, открыли входную дверь и вышли на крыльце...

«Покойница». Туман-то какой...

Николай Степанович (*«Покойница»*). Считаю, лучше всего вам именно здесь оставаться. В случае, если он где поблизости, можно будет голос подать. При такой видимости в двух шагах человека не разглядишь.

«Покойница». Можно я петь буду?

Николай Степанович. Очень даже можно. Очень даже хороший вариант.

Нина Тарасовна (*спускаясь с крыльца*). Идете, нет?

Тася. Идем, идем.

Она потянула за руку заколебавшуюся было Веру. Они сошли с крыльца и исчезли в тумане. А «Покойница» все еще не замечала их ухода.

«Покойница» (*поет*). «Калина красная, калина вызрела, я у миленочки характер вызнала...» Он эту песню больше других любит. Я, говорит, тебя заприметил, когда ты ее пела... (*Снова негромко и печально запела*.)

Яша. Они умрут.

Врач. Кто?

Яша. Они Гришу ждут. Если он не придет, они умрут.

Врач. От этого еще никто не умирал. Это я тебе как врач... С полной ответственностью...

Яша. Как вы не понимаете? Они будут думать, что я их обманул. Что я ничего не умею. Что нет другого мира! К нам никто не придет на помощь!

Врач. Естественно. Кто к нам сюда потащится?

Яша. Я еще раз попробую.

Врач. Что именно?

Яша. Изо всех сил.

Врач. Кричать?

Яша. Я позову на помощь.

Врач. Кого?

Яша. Попрошу, чтобы нас пожалели. Вы только не перебивайте, Виктор Афанасьевич... Сейчас объясню... Когда лодка всплыла, кто-то сказал, что все это было запланировано. Понимаете? Запланированная авария. Эксперимент. Но мы-то не знали! Мы не знали, что эксперимент. Нам никто не говорил. Мы на самом деле все это... Понимаете? Может, и сейчас?

Врач. Что?

Яша. Все. Все это запланировано. Вот все это.

Врач. Мне иногда тоже приходило в голову...

Яша. Вот видите! А мы думаем, что все на самом деле. Кричать?

Врач. Кричи.

Яша закрыл глаза и «закричал».

Вонючка. Вот, девка, мы с тобой и одни остались.

Зинка. Ты когда-нибудь спишь, зараза? Как ни глядишь, сидит и сидит.

Вонючка. Не могу я здесь спать. Разве что забудусь когда на минуту, мне и хватает. А спать никак не могу.

Зинка. Чего так?

Вонючка. Храм Божий. Койка прям над алтарем стоит. А с меня льется, прости Господи, как с лоханки дырявой. Разве Господьстерпит такое? Вот и не сплю.

Зинка. От церкви тут даже памяти не осталось. Всю хлоркой да матюками повывели. И не ты в том виноватая, и не я. Спи. Если Бог есть, он сам во всем разберется. Кого простить — простит, кого наказать — накажет.

Вонючка. Это в ком памяти нет, того простит. Я-то все как есть помню. Батюшка Феодосий тут служил. А хор какой был! Запоют на Светлое Воскресение, слезы так сами и бегут. На крыльце после службы выйдешь, простор — на тыщу километров видать.

Зинка. Ну, уж и на тыщу.

Вонючка. Я тебя все спросить не соберусь... Ты откуда заговоры знаешь?

Зинка. Спроси, чего я не знаю.

Вонючка. Я тебя не зря пытаю. Терпения у меня совсем не осталось. Помереть хочу.

Зинка. Ну, тут я тебе не помощница.

Вонючка. Ты, девка, не спеши. Мало ли еще как повернется. Ты мне скажи, греха на тебе не прощенного не было?

Зинка. А я их считала, грехи эти? Прощенные, непрощенные... У меня и времени подумать не было, какие они. Чуть свет подымешься — и пошел, и пошел... Может, кто и не простил, не знаю.

Вонючка. И на руду заговор знаешь?

Зинка. И на руду знаю.

Вонючка. Откуда?

Зинка. Человек один научил.

Вонючка. Хороший человек?

Зинка. Кто его знает? Тогда хороший был. А тебе на что?

Вонючка. Просить тебя хочу...

Зинка. И не думай даже. Слыхала, как врачи говорили? Если выход закрыть, отравление организма произойдет. Подумаешь, беда большая. Течет и течет. Сто лет еще течь будет. А так окочуришься в два счета.

Вонючка. Хочешь, скажу, почему так-то? Сынок отбил. Я ему пенсию не дала, а он с похмела... И давай меня ногами пинать. «Скажи, где пенсия, и скажи». Так запинал, что я кровью захлебнулась. Очнулась — его и следа нет. И пенсии нет.

Зинка. Я бы его, падлу такую, на червонец на парашу загнала!

Вонючка (перекрестилась). Пусть живет. Он у меня последний. Один в тракторе перевернулся по пьяному делу, раздавило его. Старшого в драке затоптали. Два дня всего и пожил после того, царство ему небесное. Этому, видать, тоже пути не будет. Думала, проведать придет. Хотя бы за то, что в милицию не донесла. Уж как меня соседка уговаривала... Бог с ним. Заговори меня, Христом тебя Богом прошу. Не могу я над алтарем в таком-то виде сидеть. Силов моих совсем уже нет. (Заплакала.)

Зинка. Тебя как зовут, бабушка?

Вонючка. Бабушкой и зови.

Зинка. Мне для заговору надо.

Вонючка. Анной меня зовут. Анной Иннокентьевной. Боковикова.

Зинка (села на койку к Вонючке). Лечь надо, баба Аня.

Вонючка. Так лягу, лягу... (*С трудом улеглась, скрестила на груди руки.*) Как не лечь, если такое дело. Ты крепче положи. А я тебе помогу, шевелиться не буду.

Зинка. Совсем не шевелись. Лежи, как тебя и нету.

Вонючка. Последняя просьба к тебе будет.

Зинка. Ну?

Вонючка. Очень мне понравилось, как ты песню пела. Дешевная... Как отойду, отпой старую, не поленись. Бог тебе сторицей отдаст. Отпоешь?

Зинка. Отпою.

Вонючка. Ну, спасибо тебе, добрая душа. Больше не шевельнусь.

Она закрыла глаза и замерла. Голос Зинки предательски срывался во время заговора.

Зинка. Ехал человек стар, конь под ним устал, по ристаням, по дорогам, по загонным местам. Ты, мать-руда жильная, жильная, телесная, остановись, назад воротись. Стар человек тебя запирает, на покой согревает. Как коню его воды не стало, так бы тебя, руда-мать, не бывало. Слово мое крепко!

Вонючка. Может, сейчас споешь? Пока я еще слышу маленько.

Зинка. «Долина ль ты моя, долинушка, Долина ль ты широкая, На той ли на долине Вырастала калина, На той ли на калине Кукушка вскуковала. Ты об чем, моя кукушечка, Об чем горюешь?...»

Как только Зинка запела, Яша перестал «кричать» и открыл глаза.

Врач. Опять она поет.

Яша. Кто-то умер...

Врач. Надо идти.

Яша. Да...

Врач сполз со стола. Они вышли в коридор, Яша сходил за каталкой, и, толкая ее перед собой, они вошли в палату. Зинка петь не перестала, только поглядела пристально. Они подошли и остановились рядом...

Между тем в палату стали возвращаться ее обитатели. Сначала неслышно проскользнула Тася. Потом, поддерживая Веру, вошел Николай Степанович. Вошла Нина Тарасовна, обессиленно прислонилась к стене. Последней появилась «Покойница» и застыла на пороге.

Зинка. «Уж и как мне, кукушечке,
Как не куковати?
Уж и как же мне, горемычной,
Как не горевати?
Один был зеленый сад,
И тот засыхает,
Один был милый друг,
И тот отъезжает».

Николай Степанович (после долгой паузы). Пришлось вернуться. Туман такой, самого себя не сыщешь.

Тася. Такой туман никогда не бывает. Ножом резать можно.

Вера. Еще немного — свалились бы в реку...

Зинка. Анна Иннокентьевна отошла.

Тася подошла к Зинке, села на пол и уткнулась лицом в ее колени. Неуверенно подошла Вера. Зинка одной рукой обняла ее, прижала к себе. Подошел и стал рядом с Врачом и Яшей Николай Степанович. Села на стул неподалеку от Зинки «Покойница». Тихо сказала: «Что же я теперь Оленьке скажу?»

Подняла руку и неумело дважды перекрестьилась Нина Тарасовна. Это заметила Зинка. Они посмотрели друг на друга, и Зинка едва заметно кивнула, приглашая присоединиться к их группе. У Нины Тарасовны задрожали губы. Человек, оглядываясь, торопливо вбежал по лестнице, заглянул в операционную, метнулся к лесенке, ведущей в Яшину каморку, махом преодолел ее, заглянул, чути ли не кубарем спре-

мительно спустился, пробежал по коридору, осторожно заглянул в палату, боком, неслышно проскользнул в нее и тихо сел на пол у самой двери...

Между тем по лестнице неотвратимо поднимался Митъкин. На шее у него висел транзистор, передающий «Последние известия». Митъкин вошел в палату и непонимающе уставился на сбившихся в кучку людей.

Митъкин. Почему дверь внизу открыта?

Тася. Закрывать надо, тогда не будет открыта.

Митъкин. Вроде закрывал... Как ихнее дежурство, так в обязательном порядке чего-нибудь... Хоть охрану ставь. (Дошло, что Николай Степанович находится в женской палате, да еще стоит на своих ногах.) Ты это... Не пример, что ль?

Николай Степанович. Решил погодить.

Митъкин. Ну и зря. Теперь разве жизнь? Сплошное нарушение. Раньше за такое нарушение... Тыфу!

В коридоре зазвонил телефон. Больница ожидала. Простучали торопливые шаги дежурной сестры. На ходу снимая пальто, она заглянула в палату: «Бабоньки, к укольчикам готовимся, быстренько...» Телефон звонил не переставая.

Гурьбой ввалились маляры и, громко переговариваясь, стали разбирать ведра с краской...

Плотники сбросили доски, застучали молотком...

Две санитарки весело хохотали, рассказывая друг другу новости...

В палате, закрыв глаза и прижавшись друг к другу, кричали люди. Сначала чуть слышно, потом все громче и громче.

Занавес

ВЕСТНИКИ

Драма
в двух действиях

